

К.Г. Ширяев*
«Путевые заметки за границей»
(02.02.1945-17.09.1945)

02.02.45 г.

г.Дебрецен.

Большой красивый город, 2-я столица Венгрии. Много памятников. Красивые многоэтажные здания. Трамвайная линия. Характерно, что военнослужащие К.А. беспрепятственно ездят в трамвае в любом направлении бесплатно. Говорят мадьяры, что это по договору. Мне этот город больше всего запомнился тем, что здесь я догнал свой эшелон, от которого отстал в г.Ньипредьхады (?) по случаю покупки яблок и ехал в Дебрецен на автомашине и много шёл пешком по исключительно благоустроенному асфальтированному шоссе. На протяжении 40 км абсолютная гладь, как стекло. По сторонам – стена высоких красивых тополей, снизу на 1 м побеленных известью. Базар – не на площади, а на панели – вдоль центральной улицы Дебрецена. На улице мы встретили почтальона с газетами: «Ворошилов. Дебрецен! Ворошилов. Дебрецен». Остановили и стали спрашивать, кого он еще знает из полководцев. Оказывается, знает всех маршалов и особенно Жукова и Рокоссовского. В городе пробыл целый день. Вечером тронулись в сторону Будапешта.

06.02.45 г.

г.Цеглед.

Здесь выгрузился наш эшелон, прошедший из Польши в Венгрию. Небольшой город с узкими улицами. Большинство улиц грязные, прямо непролазные. Центральная улица, идущая от вокзала к площади, красивая, асфальтированная. В домах нет голландских печей, а есть времянки чугунные различных форм. Отопительный сезон – 3 месяца. В начале февраля снег уже почти весь стаял. Квартиры отличаются хорошей меблировкой, зеркалами, картинами, шторами.

Мы остановились в доме, где раньше была гимназия и теперь половина занята румынским госпиталем. Расставили койки, здесь же найденные, столы и приступили к работе.

Одна деталь. К моменту нашего приезда в Цеглед наши ребята организовали встречи: привезли откуда-то две огромные бочки по 1000 л каждая вина. Несмотря на то, что у бочек стояли часовые, почти все были пьяны в дым. Мне сразу предложили попробовать из котелка. Каждый шофер имел ведро с вином, которое привязано под кузов. У бочек гвалд, шум. Пришлось снять часовых, посадить на гауптвахту, а вино откатили на склад.

 * Ширяев К.Н. (1913-) до войны работал учителем русского языка в Шарчинской средней школе Алтайского края. Воевал с 1 января 1942 г. по 15 мая 1945 г. Начинал войну рядовым стрелком, закончил в звании гвардии капитана

Все время пребывания в Цегледе самое разнообразное вино лилось рекой. На гауптвахте меньше 10 человек не бывало, один чужак чуть не утонул в бочке. Выбив дно поленом, ухнул туда с головой, шапка всплыла. Каждый сержант имел чуть ли не склад с вином (тайно). Особенно отличались десантники. Увели со двора козу. На воротах написали: «Добровольно ушла служить в десантные войска». На следующей улице: двое продают, двое эту же козу снова уводят. Стрельба в городе, как на передовой. Стреляют чуть ли не из артиллерии. Интересна деталь: в отместку за утонувших в Днепре неудачно сброшенных десантников мстили летчикам: «На Днепре был?» «Был». «Прыгай с моста!» И прыгали с высокого моста в воду метров на 15.

Население исключительно радушно встречает. Все кланяются. Снимают шляпы. В парикмахерских за 3 пенга готов два часа работать над твоей головой и лицом.

Показали с хорошей стороны 23.02.45 г. на демонстрации, по улицам с громом русских песен.

Погода: 23.02.45 г. я праздновал, думая, что 1 мая. И только дата приказа Сталина убеждала в обратном. Сухо, тепло, раздевши.

Мы жили по всему городу по 2-3 человека, беспечно спали ночи, не заботясь об охране. Хозяйка-мадьярка топила нам печь и готовила кушать по своему желанию. А когда 06.03.45 г. уезжали, она обняла и поцеловала в щеку каждого. Просила заехать, когда кончим войну.

07.03.45 г.

Деревня Тура (севернее Будапешта).

Ехали ночью колонной в 25 автомашин. Было темно, когда въехали в столицу Венгрии – Будапешт. Тем я его и запомнил, что в лабиринте улиц блудил до рассвета. Наконец выбрались на нужную дорогу с другой стороны города.

В Туре были четыре дня. Жил с Корючиным «Алексаньяном» у мадьяр. В одной комнате мы, в другой они – 18 человек. Живут бедно. Но в комнате уютно. В каждой по 4-2-х спальных больших кроватей. Одеваются перинами, а подстилают соломенные матрацы. Я не говорю, что я делал и зачем приехали сюда. Это навсегда останется только в памяти. (Провести колонну в незнакомом 2-х миллионном городе было очень трудно: город затемнен и фары включать нельзя).

12.03.45 г.

Такшони.

Ехал обратно. Один. Через Будапешт. Посмотрел по карте – не ошибусь, если подъеду вплотную к Дунаю и буду ехать по левому берегу на Шароктар. Проехал этот, когда-то красивый, европейский город, теперь так разрушенный, что отдельные кварталы не сохранили ни одного здания. Запомнились прямые, длинные улицы, с садами, многоэтажными зданиями. В Шароктаре перевернулась машина кверху колесами. Обошлось благополучно.

Приехал в Такшони. Обыкновенная маленькая деревня. Штаб разместился в доме с земляным полом. Неуютно. На стенах следы крови от убитого скота во время отступления.

13.03.45 г.

Черная Валь.

Ночью ехал окраиной Будапешта на переправу через Дунай. Наконец-то ближе к настоящему фронту, туда, где вот уж более недели, как немецкие войска с огромным количеством танков (6 танковая армия, 11 дивизий) стремятся во что бы то ни стало прорваться к Дунаю и утопить войска Толбухина в этой многоводной реке.

Сам Гитлер приехал руководить операциями. Бросает листовки с самолета: «Сдам Берлин, а Толбухина с войсками утоплю в Дунае». Ну, это посмотрим. Там богатырски сражаются наши, там проявляют чудо-героизм, там, севернее озера Балатон, льется кровь. Хочется скорее попасть в это пекло. Вот подъехали к Дунаю. Мне хотелось рассмотреть всю голубизну его вод, но в ночном мраке этого не удалось. Широкий, с быстрым течением. Переправа сделана нашими людьми на груз в 50 тонн. Кругом наши часовые. Проверяют документы, регистрируют количество машин и флажком показывают путь.

Далее через Чепель, Авадтепень, Эрд, Мартон, Вашар, Барчки – резко направо 10 км и приехал в Валь. Позднее нашел две открытки этой Вали, маленького городишка, наполовину разбитого и нашей, и союзной авиацией.

На перекрестке дорог у моста стоит памятник солдату 1-й мировой войны. В каске, с винтовкой, в шинели стоит он, угрюмо склонив голову вниз, взгляд и выражение фигуры – покоренность. Наши отважные связисты, проводя линию, положили ему на плечо, вместо столба, три провода.

И стоит он, придерживая плечами наш советский кабель, и идет через него линия связи в штаб армии. Проходящие и проезжающие любопытно смотрят на статую и выдумку русского солдата.

16.03.45 г.

Деревня Ломашберень.

От Валь до Ловашберень 13 км. Мы же ехали объездом 60 км. Подъезжая к набережной переправе – пробка в 6 км. Сплошная стена машин, танков, повозок в три ряда. На «кресту» регулирует движением майор. По специальному заданию Военного Совета армии как можно быстрее «протолкнуть» танки, артиллерию и боеприпасы.

Дожидались очереди, постепенно, по метру продвигаясь 6 км 10 часов. Иногда брались регулировать полковники, и даже один был генерал. Привожу диалог:

Майор: Т.генерал-майор, я представитель военсовета армии, прошу не мешать мне командовать.

Генерал: Я представитель всех представителей. Я генерал. Беру ответственность на себя.

Майор: Снимаю с себя ответственность за остановку колонны.

Генерал: Отвечаю я. Капитан Лейкин, идите на ту высотку, все машины поставьте в сторону и никого не пускайте. А вы, старший лейтенант Матвеев, стойте у мостка. Давай машины.

И без очереди пропустил свою зенитную дивизию около 100 машин. Мы стояли и безрезультатно настаивали на необходимости продвижения своих спецмашин. Наконец поехали. Вдруг сигнал. Смотрим вверх. Слышим противный рокот немецких мессершмидтов. Делают заход, другой, третий по колонне... Мы проскочили за опушку леса и дальше в своем направлении. Выехали на простор. Широкое асфальтированное шоссе. Обилие трупов лошадей. Насчитал 70, хотел удивиться, вдруг целое поле в различных позах, целое стадо. Не успел разглядеть – рокот мотора, в открытом поле по колонне не без эффективных средств обороны – прогулялся двумя заходами. Жертв – одна машина. Пришлось объехать воронку и посмотреть на обломки изуродованной машины...

Приехали. Л.Берень.

Большая деревня. Войск того больше.

Армейские, корпусные и даже полковые штабы. Сунуть носа некуда, не только машины с установками. Вдруг рокот. Восемь штук. Зенитки сразу, сотни зениток открыли целую завесу огня. Волной отклонило налет к окраине. Побросал весь груз. К несчастью, мы-то как раз и стояли на окраине. Все покрылось дымом. Самолеты улетели, зенитки перестали бить. Около меня трое убитых и трое тяжело раненых. Все «благополучно». Началась артподготовка. Довольно им рваться. Испытайте вкус наших снарядов. Сплошной грохот орудий, взрывов бомб. Ничего не слышно, кроме грохота, все нарастающего в течение 4-х часов. Земля не только гудит, содрогается от взрывов. Уши заткнуты. У некоторых наводчиков кровь из ушей от сильного звука.

Немцы схитрили – отошли. Пусть, мол, бьют русские по пустым окопам. Врете, гады, не уйдете. Артиллеристы перенесли огонь по новым позициям. Пошла пехота. Ура! Русское ура разрежало воздух и, кажется, на время стихла артиллерия. Кажется, поднялась земля к небу и пошло, пошло, пошло все, чтобы стереть, смолоть, смять, раздавить то, что есть живое впереди наших окопов, наших траншей.

Вдруг – танки. Шестнадцать штук. Идут, мотая на гусеницы нашу связь. Пропустили. Замкнули. Ударами ПТР, ПТО 9 подбито, 7 вернули, и те где-то в кустах заглохли, стали. Что с ними? Наши пехотинцы до чего дошли: догоняет на повороте немецкий танк, садится на его броню и стучит прикладом до тех пор, пока из автомата не прикончит экипаж.

Это было в день прорыва немецкой обороны и перехода наших войск в наступление в районе севернее озера Балатон. Отсюда его погнали из Венгрии в Австрию. Здесь он захлебнулся в своей попытке утопить нас в Дунае.

Потянулись пленные. Выстроились, звериными глазами смотрят. Не могут опомниться и не знают, в чем дело.

Наши пошли напролом. Мы остались «подтягивать хвосты».

18.03.45 г.

Замоль.

Движущаяся живая мишень вдоль передовой. Спецзадание. Ночь. На «Виллисе». Фары включать нельзя. Местность незнакомая. Ехать вдоль передовой. Компас, карта. Чуть фонарь включил – кукурузник тут как тут. Дважды бомба разрывалась рядом. Нашел пункт. Наших никого нет. Где? Обрато ехать нельзя. Нужно искать. Пошел по всем направлениям дорог Замоль. В другой армии на контрольной станции случайно напал на след. Вернулся. Дорога – мины. Поле – мины. Пошел прямо. Вышел благополучно. Так и не разобрал, где был, не то у своих в тылу, не то у немцев, скорее всего у них, потому что когда ехал к своим, то ехал обратно.

20.03.45 г.

Истимер.

Полностью перешли на трофейное питание. В изобилии мяса и других продуктов. Из белой муки – оладьи (?). Вина – сколько угодно. На полковую кухню никто не ходит. В каждом подразделении свое ПФС на «европейский» лад!

Между прочим, нас напрасно обвинили в том, что будто бы мы в Истимере гонялись за поросятами с автоматами и пускали пух из перин по ветру. Это неверно. Мы действительно взяли в кузов машины двух поросят у одного мадьяра, которого здесь не расстреляли за шпионаж. У него на чердаке стояла немецкая радиостанция, и он передавал сведения о продвижении Красной Армии и других действиях. Здесь мы ночевали всего одну ночь. Войска движутся без передышки. Дороги забиты пленными.

21.03.45 г.

Варпалота, Петфюрби, Кишнети.

В этих трех пунктах я задержался по некоторым причинам на 5 дней, отстал от войск на 20 км. Я ходил сам не свой. Ни газет, ни радио, никаких других источников. Вспомнил детство. Лазил на колокольню и звонил в набат. Никто, ни души. Дня через два стали приходить мадьяры. Затем наши стали восстанавливать нефтеперегонный завод. Народу стало много. «Виллис» отремонтировали. Узнал, где свои, и катанул. Дороги усеяны конскими трупами, разбитыми и сожженными танками, автомашинами. Изредка встречаются валяющиеся трупы фрицев. «Загорают». Пленные идут партия за партией. Конвоируют на каждых 200 человек. Два автоматчика. Венгры идут совсем без конвоя.

30.03.45 г.

Переехал Австро-Венгерскую границу в районе г.Кёсег. Проехал венгерские города: Весгрем, Выротлед, Янош-Хаза, Самбожелт, Кёсег. Своих догнал в Оберпуллендорте. Разместились в здании бывшего гестапо. Здесь же во дворе тюремные здания. Целый склад различного барахла, новеньких, в том числе генеральских фуражек, складного оружия, деньги.

31.03.45 г.

Хохволькерсдорф.

- Только проездом.
- Винтовая дорога – шоссе на гору. Снежные вершины. Лес.

04.04.45 г.

Через Винер Нойштадт в Блюмау. В Нойштадт – иначе Новая Вена. В Винер Нойштадте на Центральной площади похоронили дорогих нам людей – полковника Мячина, красноармейцев Нестеркова, Никонова. Салютовала целая рота автоматчиков.

05.04.45 г.

Чуть не у каждого офицера машина, мотоцикл, у каждого рядового – велосипед. В Блюмау даже электросвет сохранился. Удрали «хозяева», не успели допить кофе и ликер. Стоит на столе.

13.04.45 г.

Нашей армией взята Вена. Сами слышали приказ о полном освобождении Вены. Кстати, я еще 09.04 был в Вене.

15.04.45 г.

Прессбаум. Живописный город в 20 км Западнее Вены.

25.04.45 г.

Через Вену в Баден. Мировой курортный город.

26.04.45 г. Через Вену в Прессбаум.

Сделали экскурсию в зоопарк. Исключительное впечатление производят красивые аллеи из липовых деревьев, ровные, прямые, даже вблизи похожи на высокие прямые зеленые стены, с нишами для скульптур и арками для въезда и входа. При входе в зоопарк на железных воротах надпись по-русски: «Парк взят под охрану в.ч.п.п.17061», и далее: «Вход только с офицером» (для русских солдат). В парке 64 воронки от бомб, некоторые животные и звери переведены в примитивные условия. Крокодил живет без воды. Слоны под открытым небом, на цепях за переднюю и заднюю ногу. Жирафы в высоком сарае. Бегемот в 3,5 тонны весом на своем месте. Имеются представители животного мира всех уголков земного шара. Сопровождал по зоопарку австриец. Он был в восторге, когда мы ему за труды дали 50 шиллингов. «Такой большой? Не может быть!» - возглас казаха при виде «жираффы».

29.04.45 г.

Из Прессбаума через Вену в Баден. Трудно не видя представить себе столицу государства, когда-то оккупированную Германией, а сейчас освобожденную Красной Армией – всю в красных флагах. Не только каждый дом, здания выбросили этот победоносный наш флаг; почти из каждого окна 6-ти и более этажных зданий, из каждого подъезда полощется на ветру красное полотнище. Разве только Москва может быть похожа на Вену красными флагами. Послезавтра, то есть 1 мая, куда ни глянь, - везде красно, яркий красный цвет ослепляет, а впервые увидевшего – ошеломит.

На улицах чисто. Кирпич и камни от разрушенных зданий сгружен аккуратно в кучи, подметено, подчищено и даже промыто. Мы остановились у оперного театра. Народ толпится, выражение лиц веселое, говорят – «премьера». Венцы любят театр. Работают отдельные магазины. Очереди за хлебом. От западной части города мы проехали к центру его, до канала, затем повернули на юг – в Баден.

Кто знает? Может быть, уж больше не придется быть в боях, остатки дней (а мне очень хочется скорее на родину). Уж если побывать в Австрии суждено, так желал бы или в Вене или в Бадене – этом курортном городе Европы.

01.05.45 г.

Где-то через три государства от Родины – я пишу приказ по полку для зачитания перед всем личным составом на митинге.

Под моей командой выносятся Красное Знамя полка в сопровождении 2-х ассистентов и взвода охраны. Проходим с левого фланга, строясь на его правый фланг. Все замерли, глядя на эту священную хоругвь. Затем «Ура!», «Ура!», «Ура!». Пусть посмотрят австрийцы, как у них перед окном гордо стоит полк бойцов-победителей, пусть они послушают русское могучее «Ура». А они действительно из окон, через заборы смотрят и слушают нас.

Получил три приглашения на обед. Пошел к водителям боевых машин. С ними выпил, закусил что надо. Всяких вин. Много тостов. Много вина. После зашел в свое подразделение, где хорошо отметили праздник вином и венским пивом. Затем был в гостях у начальника штаба морфлота Смирнова. Остался очень доволен, прежде всего, его приглашением, но, конечно, каким-то особенным вином. «Раздавили» бутылку шампанского с начпродом. И после всего этого пошел на офицерский вечер, где, помимо офицеров полка, были полковники и генерал из штаба нашей славной гвардейской Армии: Гончаренко, Рукодельцев, Чуркин и представитель ЦК полковник Максимов. Я «трохи» был пьян, но держался крепко и вел себя достойно. Когда ушел с вечера – не помню. Хорошо, что не оставил за собой никаких происшествий и замечаний начальства, а среди своей братии, говорят, дал концерт, такой концерт, что целый следующий день припоминал, что же я еще мог сделать. Так можно допустить себе 1 раз в году. Сие записано 2 мая.

03.05.45 г.

Вчера купил до черта, метров 30 шёлку, и еще кое-что ценное. Жаль посылать, так боюсь, утерется. Хочется привезти лично. Но ведь я имею больше возможности приобрести, чем доставить. Если бы Дуся жила через квартал, вот хотя бы на Фридрихштрассе – я бы достал что угодно. А так, запинаясь о такие ценные вещи, ничего не хочется брать. Куда его таскать.

Особенность этой страны: зелень, виноградники, дороги, улицы, обстановка квартир, побелка стен, фотографии, рекламы, электрическое и водопроводное хозяйство, фарфоровая и хрустальная посуда.

Еще особенность: мы ездим на их велосипедах так: мне нужно ехать. Выходу, сажусь, еду. Приехали, ставлю. Подхожу - его нет, беру свободный, еду и т.д. – коммунизм.

Они: тащит «велосипед» на себе, с одним колесом, подобранный, раздавленный танком. Надеется отремонтировать. Мы: машины легковые, грузовые всех марок, советских и иностранных.

«Виллис», «Шевроле», «Студэбеккер», «Форд», «Газ-1» «Газ – АА», «ЗИС – 5», «ЗИС – 101» и многие другие.

Они: в Бадене ни одной, в Вене штуки три. Тащат все на себе. Зато ходят под зонтиком. Динамика.

Зато они начинают видеть в нас сильную и культурную, даже вежливую армию. Даже женщины перестали прятаться по подвалам и чердакам. Офицеров совсем не боятся. Не обидят, не оскорбят. Красноармейцев еще боятся. «Понимай – не понимай, курка яйка давай». За это у нас наказывают. Немцы поощряли всякие проказы и мародерства своих солдат. Можно встретить и у нас поставленную кверху дном комнату – все навыворот. Но это редкость. Австрийцы удивляются, найдя свои чемоданы даже неоткрытыми.

А писем от Дуси нет как нет. Что случилось? Вчера я написал письмо, кажется, плаксивый тон получился. Но что я поделаю?

04.05.45 г.

Замечено, что у всех какая-нибудь отметка: или нос ободран, или под глазом синяк, или шишка на лбу, или еще какое-нибудь украшение.

Почему? Потому что почти у каждого мотоцикл, или велосипед, а ездить и

управлять может не каждый. У меня нет царапин и шишек. Но мог иметь больше. Вчера ехал с бешеной скоростью с лихачем-шофером на «черепaxe» из какой-то другой части.

При повороте на мост – встречная с такой же скоростью. Тормозить поздно. Раз – прямо под мост. Машина кубарем. Все в порядке. Жив... Выхожу. И что же? Все: «Ах!» Оказывается, что в кабине стояла кастрюля с вареньями красного цвета и я весь оказался «окровавленным», вроде с разбитой головой. Машину вытащили буксиром, а я долго мылся в реке, и сейчас пятна на брюках.

05.05.45 г.

Представлен к ордену. И надо же случиться. Происшествие за происшествием: одно убийство, два ранения. Стрельба из зенитных установок по своим. Боюсь, как бы это не повлияло на ход вообще дальнейших наградений.

06.05.45 г.

Баден.

Встал рано, в 7 часов. И обратил внимание на свою комнату. В самом деле, какой контраст против тех землянок, что были в Карелии, в Финляндии, Польше, когда располагались в поле. Кто жил в землянке столько, сколько я, тот может представить себе их «прелесть». Что я имею сейчас, как победитель «Вавилонский»: комната на втором этаже с балконом, гардероб, шкаф, койка из красного дерева, покрыта лаком, отсвечивает, как зеркало. На койке: пружинная сетка, мягкий матрац, перина с шелковой наволочкой, легкая пуховая перина для одевания, мягкая пуховая подушка в головах. В комнате электрическое освещение, водопровод, рядом уборная, мраморная ванна. Дом стоит в саду: яблони, вишни, груши, липовые деревья, тополя – весь в зелени. В 100 метрах большое виноградное поле. Улица асфальтированная. Дома все каменные. За виноградным полем – другая часть города: музей, собор, богатая архитектура. Указатель: Мёдлинг – 12 км, Вена – 22 км.

Кажется, мы отсюда сматываемся. От Толбухина переходим к Малиновскому. Ехать снова через Вену; через Дунай и дальше на северо-запад. Думаю, что мы еще будем брать Прагу, тоже столица, последняя европейская столица, которую нужно освободить.

Наш начфин не в духе. Только успел получить пенги венгерские, выдал на руки, предложили получить шиллинги австрийские. За май составил, говорят: «Пересоставь на кроны чешские». Дело в том, что полевые деньги мы получаем в инвалюте того государства, где находимся. А прошли не одно государство. Вот и попробуйте тут маневрировать финансами. Прав наш Алексанвян Нерсес Абрамович – начфин.

Дуся! Ты молчишь, а я думаю о тебе, болеючи, ложусь спать с мыслями о тебе: вижу тебя во сне, целую и просыпаюсь с тобой, а ты забыла. Эх, Дуся.

07.05.45 г.

Этот проклятый бор мадьярский, шнапс австрийский, венское пиво. Лучше бы их не было. Ведь я их так много здесь выпил. Сколько не выпил за все время жизни. Посмотришь – нет трезвого человека. По сравнению со всеми я еще ангел, исключение и всегда приходится призывать других к порядку. Я доволен тем, что меня никто не видел пьяным, да и был я пьян только 23.02.45 г. в Цегледе и 01.05.45 г. – в Бадене.

Вот сейчас только получил приглашение от лейтенанта одного на день рождения. А сколько таких дней, когда нас здесь много.

Получил сапоги новые, яловые, надел китель с иголки, галифе шевиотовые, фуражку. Интересно, что фуражки наши ленинградские, а мы их сюда не привозили: немцы вывезли из Тихвина, а мы их догнали и попутно отобрали у них это удовольствие, т.е. довольствие, да, кстати, и их побили.

Пошел на день рождения я..., а думаю о том, что от Дуси нет писем, что с

ней?

08.05.45 г.

Маленький отчет о вечере. Народу было немного – 11 человек, полковник – 1, майоров – 2, остальные – рядовые офицеры.

Вино было четырех сортов, пиво, водка, 90° спирт. Закуска: огурцы, котлеты, картошка жареная, курятина, кролик жареный, хлеб белый, пирожки с повидлом, печенье, бисквиты, торт, сыр и, кажется, все.

Я пил очень мало и тем доволен. Открыл вечер полковник словами: «Наш скромный вечер мы справляем в честь именин лейтенанта Певцова. Пожелаем жить ему столько, сколько он хочет и от себя еще...

- Сколько, майор?
- Пятьдесят.
- От себя пятьдесят.

А еще пожелаем следующий год рождения справлять дома и вспомнить этот вечер за границей.

- Предлагаю тост за т.Певцова. Чокнулись каждый с каждым, звон бокалов напомнил серебряный перезвон.

После закуски полковник предложил избрать тамаду. Это значит – старшего распорядителя вечера. Выдвигались кандидатуры, обсуждались их достоинства, наконец, голосованием был избран старший лейтенант В. тамадой. Началась выпивка, разговоры, шутки более активно.

После третьего бокала белого водку сменили на вино. Сменили и бокалы. Пили красное церковное, портвейн, ликер. Тамада получил выговор за то, что плохо распределяет вино, не контролирует, отдельные товарищи мало пьют. В частности, мне замечание.

Не знаю, после какого вина мы перешли на курицу и кролика, по адресу которых Р. сострил: какая-то плавающая птица, наверно, курица.

- нет, полковник Р., это у Вас кролик.
- Ну, да, я так сразу определил, какое-то плавающее животное.
- Посуду сменили. Принесли пиво. Пошли анекдоты.
- 1. Тегеран – от вас пахнет липой.
- 2. Крым – милости просим.
- 3. Простите, они подвернулись.
- 4. Обождите, это пока я.
- 5. Приходит – молчит, уходит – молчит. Что он этим хочет сказать.
- 6. Помогло, даже кашлянуть боюсь.
- 7. Разница: выписывают, потом принимают; принимают, потом выписывают.

Тамада сел за рояль, спел арию из «Сильвы». Напомнил, что заслуженный артист республики Рубан (?) был его дублёром.

Фокус: с гривенником на 10 см выше, на 10 выше.

С картами – отгадать все – лицом к себе.

Наконец, карты под койку.

Выпивка продолжается до трех часов. В три часа я проводил полковника до квартиры. Удивительно, даже не заметишь, что он выпил. Совершенно трезвый. Идя от полковника, зашел в батальон. Часовой окликнул – молчу и иду.

- Стой, стреляю.
- Остановился. Затем ушел. В 3.30 лег спать у себя на квартире.

Сегодня встал в 9.30. Почти все наши уехали. Мы тоже едем сегодня. Какое хорошее утро. Солнце, тепло. На деревьях абрикосы (зеленые), черешни, сливы. Через месяц можно кушать. Принял ванну с душем.

Вот уж давно, как я совершенно ничего не отдаю в стирку: сменив белье, портянки, подворотнички – грязные бросаешь.

У меня два чемодана ценного барахла. Барахло потому, что не хочется таскать! Ценное потому, что платил или пенни или шиллинги, получил как зарплату, да и вообще оно имеет цену.

Ездил в два госпиталя, проведовал раненых знакомых. Особенно тяжелое состояние Ч. – пробило череп, недвижим, берешь за ногу, кричит: «Ой, что вы меня за голову берете». Ничего не кушает.

У сестры 60 таких раненых. Тяжело. Просили прислать кого-нибудь из своих, и что-нибудь прислать из фруктов.

Выполнил. Отвез для ухода за своими Кр-ул (?) Л.В. Очень рады. Привез варений яблочных несколько банок. Они остаются, будут эвакуированы в Россию. Как им хочется снова в часть. Сколько слез, стонов, крики, бредовые песни, речи. Это ХПП – хирургический полевой госпиталь. Вспомнил бригадный пункт медпомощи в Карелии: раненых полон двор, со стоном ждут очереди, врач один, засуча рукава – вторые сутки на ногах, не отходит от операционного стола, сестры только успевают подносить инструменты, да оттаскивают отрезанные руки, ноги и др. в тазиках. Запомнился случай, красноармеец Шаповалов был ранен в пах с повреждением полового члена, и второе ранение, более опасное, в спину. Так он то и дело спрашивал сестру: а будет он у меня работать. Он не думал о главной опасности. Наутро умер.

Второй случай. Утром 15.01.42 г. стали выносить для похорон из холодной (покойницкой) трупы, то один «умерший» оказался живым, впоследствии выздоровел, вторично был ранен и отправлен в тыл. Таких случаев очень много.

У меня есть до 200 различных открыток, видов проспектов и прочих тех мест, где я был. Хочется сохранить.

Не помню, в грохоте артиллерии слышал ли я в этом году гром. Но сегодня в полдень в Бадене я услышал первый гром. Пошел сильный дождь. Гроза. Австрийца не увидишь без зонтика.

В Блюмау я встретил одного пленного француза. Предлагал мне бутылку ликера. Я не взял. Он подумал, что я сомневаюсь в качестве вина, выпил сам из бутылки половину. Был пленен немцами еще в 1940 году и в Блюмау встретил свою жену. Наши войска их освободили. Они могут возвращаться на Родину. Там же один наш солдат встретил жену, сестру и дочь. По этому случаю получил отпуск на 10 дней.

Выехали. Пишу в кабине. Остановка в Вене. Одна машина сломалась – все ждем. Кто-то сказал, что в 14.00 будет выступать Сталин по радио о капитуляции Германии, но это еще слухи. Неужели я узнаю об этом только в пути. Ведь я ж еду снова на передовую.

Проехал Вену с южной окраины до северной через самый центр. Проехал два моста: 1 через канал, другой через Дунай. Единственный уцелевший мост через Дунай Большой железный мост. Дунай – узкий, но с быстрым течением. Да, какой все-таки красивый город. Я пятый раз в нем и, наверное, последний. Запомнился один подвал и 6 человек за столом (записал в кабинете).

09.05.45 г.

Аспарн. (Австрия).

Вчерашние слухи о капитуляции Германии имели под собой прочную основу. Сегодня получили официальное сообщение о капитуляции Германии с 6 часов и до 9 утра. Кругом, на сколько охватывал слух, можно было слышать «Ура!», «Ура!», «Ура!» без конца. Салютовали из всех видов оружия по команде и без команды. Больше всего без команды. Каждый обнимает каждого, целуются без разбора возрастов, родства и чинов. У меня на

глаза навернулись слезы. Хотелось так заплакать, что душа замирает. Но я сдержался. Ах, если бы сейчас встретился с Дусей, ведь я не знаю, что она сейчас думает обо мне. Такое торжество – мы врозь. Теперь я еще больше уверен, что я приеду домой, но приеду не раньше 7 ноября. Ведь тогда уж все забудут этот день.

Какой я все-таки счастливый, что мне удалось пройти такой большой путь войны и остаться в живых и победу встречать на самом настоящем фронте. В памяти столько событий, столько впечатлений, переживаний.

Сегодня как никогда это припоминается, и потому душа замирает. Я отошел в сторону, посмотрел в степь, в ту сторону, где родина, и мне снова почему-то захотелось плакать. Многие еще давно клялись, что как только объявят об окончании войны, напьются так, что не узнать. Но сегодня пока еще никто не пил. Ведь как раз на нашем участке враг все сопротивляется.

Верно, он бежит, так что пехота преследует его всякими средствами, чтобы не дать уйти. Едут на велосипедах, мотоциклах, автомашинах и даже верхом по два человека на лошади: лавина движется неудержимо вперед на головах противника. Вчера прошли 60 км. Получили благодарность Сталина. Только уж не в приказе Толбухину, а в приказе Малиновскому. Я думаю, что еще будем в Праге.

10.05.1945 г.

2 ч.00 мин. Горн (Австрия)

3 ч.00 мин. Вайдхофен

4 ч.30 мин. Нов.Быстржице (Чехословакия)

На территорию Чехословакии я въехал ночью на легковой машине «Виллис». Нов.Быстржице – маленький чешский городишко, освещен электрическим светом, светомаскировка отсутствует. Мы постояли на площади 30 мин. И поехали вперед.

7.30. Весели – Мезимосты. Районный центр, город Чехословакии, дружеств и союзной нам страны.

20.00 того же дня. Трудно описать то, чему я был свидетелем в течение сегодняшнего дня в г.Весели.

Мы приехали в город рано утром (нужно сказать, что вообще с 9 мая пешком никто не шел). Даже пехота вся была на машинах, танках, мотоциклах, велосипедах). Солнце уж взошло. В обычный бы день все в это время спали. Но сегодня нет. Все жители от мала до стара, одетые в нарядные платья, вышли на улицы встречать Красную Армию, нас. Каждый дом и домишко украшен советскими и чешскими флагами с букетами живых цветов у дверка. Флаги вставлены и в открытое окно, и в крышу, выломав для этого черепицу, и в трубу и просто держат в руках. Все приветствуют, машут руками, платками, улыбаются. Смеются со слезами на глазах. Лозунги «Хай живе Сталин», «Хай живе борцы Красной Армии» и др. Весь город в цветах, флагах. Люди нарядные остановились на площади у здания бывшей немецкой жандармерии и гестапо. Теперь там их нет. В центре площади памятник и рядом дерево в форме красивой елки с листьями березы. Эту елку украсили так, как украшают у нас на Новый год: ленты, гирлянды, цветы, оградка цветная, побрякушки и пр. А вверху два флага: наш – советский с серпом и молотом и чехословацкий трехцветный. Меня поразила здесь одна процессия. Идет, вернее, медленно шествует колонна в форме белоснежной горы. Человек 200 людей, одетых в белоснежные платья и платки с искрящимися снежинками серебра. Форма горы получается потому, что впереди идут дети, самые маленькие дети, такие милые улыбочки, красивые личики. Далее идут побольше, затем подростки, юноши, молодые люди, девушки, молодые женщины, постарше, пожилые и, наконец, солидные, пожилые дамы. Нужно сказать, что вся эта процессия составила из женщин. Буквально нет прохода, чтобы тебя не поприветствовали.

Я поехал на станцию. Там немцы бросили несколько эшелонов с грузом. Мне нужно было взять четыре автомашины, новенькие, одна легковая, три грузовых. Думаю, как же снять их.

Для этого нужна разгрузочная площадка. Но мне пришли на помощь югославы, которые ожидали поезда, чтобы уехать на родину. Эшелон уж был составлен здесь же из захваченных вагонов.

Они прямо на руках сняли машины и поставили по моему указанию. Все это с таким желанием, что я не знал, как их отблагодарить. Вдали слышу незнакомую, но хорошую музыку. Меня пригласили. Это их национальная музыка и танцы. Хоровод молодых людей, напоминающих украинский танец. Когда я подошел, раздался взрыв аплодисментов, затем лозунг: «Хай живе маршал Сталин!». Когда окончилась овация, я не упустил случая приветствовать их лозунгом: «Да здравствует маршал Югославии Тито». Новый взрыв овации. Здесь я был один. Вдруг, вижу вскакивает в круг наш офицер старший лейтенант Чухонцев, и дал два круга русской пляски впрыска.

Новая волна возгласов и рукоплесканий. Долго потом наперебой рассказывали о жизни при немцах, о том, как особенно они издевались над русскими. Как югославы старались помочь нашим пленным, как они ждали нас и как помогали Красной Армии.

Особенное впечатление произвели дети. Они подбегают как к родным. Цепляются за ремень, идут с радостью на руки. Смело лезут в машины, рассказывают что-то непонятное без конца. От них нет отбою. Стоит остановиться машине, как сразу собирается целая толпа ребятишек. Смотрят, смеются, машут ручонками, подают цветы. Наша машина остановилась у моста, шофер пошел к реке набрать воды – долить в радиатор. Не прошло и пяти минут, как наш «Виллис» превратился в «зеленый куст»: так моментально украсили его ребятишки, взрослые. Все приглашают к себе в гости. Чтобы не обидеть никого, говоришь, что нет времени. И едешь дальше.

Кстати сказать, я двое суток совершенно не отдыхал, и за двое суток только на часок мы и вздремнули.

13.05.45 г.

В путь на Индражхой-Градец. Только здесь я понял, что такое те десятки тысяч пленных на нашем фронте, что я прочитал в газете. Широкая асфальтированная дорога.

По одной стороне идут одна за другой наши машины, другая вся запружена сплошным потоком немцев. Вот они, довоевались. Сколько их, куда они идут – эти животные в зеленых мундирах без оружия, с котомками за плечами. Далеко вам идти, да и тяжело будет. Таранить хочется. Хотелось бы отдохнуть в холодке. Ничего, идите. Сами избрали себе такой путь. Благодарите фюрера.

А вот другая картина. Это венгры. Они тоже пленены сегодня нами. Но им условия лучше. Они едут на повозках или идут за повозками, а вещи на повозках. Их тоже очень много.

Третья картина: пятьсот немецких, тяжелых грузовиков. Водители – немцы, пассажиры – немцы. Все они тоже поехали в СССР. Но как? Битком в кузовах, на крышах, на крыле, на кабинах и в кабинах.

Вот представители Румынской Армии. Целый караул патрулирует военную дорогу, этот муравейник людей, лошадей, техники. Этот калейдоскоп трудно охватить понятием, трудно вообразить, представить себе.

КПП – в центре города. Наш регулировщик и чешский проверяют документы. Каждый у своих. Интересно, иностранные генералы приветствуют русских офицеров и даже солдат.

15.05.45 г.

Индражхой-Градец (Чехословакия).

Город пива. Природа Чехословакии. Жара в мае. Впервые увидел березовую рощу. Сосновый лес. Виноградных полей не видел. Местность красивая. Горы перекатами, есть равнины, быстрые речушки, лес лиственный и хвойный.

17.05.45 г.

Весели-Мезимости (Чехословакия). Очень жалею, что мне, наверно, не придется побывать в Праге. Нахожусь в центре г. Весели-Мезимости, указатель дорог в одну сторону: Прага – 118 км, в другую – Вена – 150 км. Но мы остановились. Вчера была последняя сводка Информбюро. Прием пленных закончился не только на нашем фронте, но и на всех других. Здесь они только без конца идут и едут в Россию. Часть находятся здесь. Работают. У нас на квартире делают уборку две немки. На спинах у них фашистские знаки: отметка чешской полиции.

Вчера в 18.00 были в местном ресторане. Заказали на 6 человек 25 кружек черного пива. Уплатили 100 шиллингов (у меня сейчас деньги всех сортов). Советские рубли (15 руб.), венгерские пенги, австрийские шиллинги, чешские кроны. Здесь мы получаем полтора оклада. В Австрии получали два оклада и 25% полевых.

После пива пошли на стадион: встреча наших офицеров с чехословацкими на волейбольной площадке. Счет 3 : 0 в их пользу. Но у нас была не подобрана команда. Вообще, можно было подобрать сильную команду и обыграть их. Кстати, я был судьей.

Утром сегодня ходил умываться на реку. Хорошее солнечное утро. Кругом зелень, цветы. Днем невыносимая жара. Хорошо бы в легкое одеться, а тут военные сапоги, суконный китель, суконные брюки, фуражка тяжелая, ремень с пистолетом. Скорее бы на родину, в Советский Союз, а там, смотришь, и дом недалеко. Ведь не был пять с половиной годиков. Зашли мы сегодня в чешский магазин. Продавец по-русски очень плохо говорит. Сто сорок он говорит так: «Сто четыре два» или «Сто четыре десять два». Один из наших знает немецкий и стал говорить по-немецки. На что женщина-продавец ответила: «Немецина надоел, слушать буду нет», - при этом сделала такую гримасу и замахала руками. Мы засмеялись. Говорит, что лучше будет учить русский.

Какой маленький город, а какое большое движение машин и повозок, людей пешеходов и на велосипедах. Сколько национальностей здесь: чехи, югославы, австрийцы, венгерцы, немцы, французы, румыны и много других.

Чехословацкий народ оставит о себе хорошее впечатление и надолго своей гостеприимностью, уважением и обращением.

В Венгрии нас тоже уважали, но там нас боялись и кланялись многие только из-за боязни. Старались услужить, угодить; но в то же время хотели, чтобы мы поскорее от них ушли. В Австрии тоже кланялись, но при возможности отворачивались, хотя и не везде. В Вене, например, очень дружелюбно встречали. А вот один случай в Винернойштадте, вернее 15 км от В.Н. У нас произошла авария машины. Колонна ушла, а мы остались. Трое русских в деревне, где сохранилось все австрийское население. Нужно было покушать что-нибудь. Пошли в первый попавшийся дом – закрыто, во второй – закрыто. В третий – сидят трое мужчин, две женщины и несколько ребятишек. Во дворе штук 30 кур.

- Здравствуйте. Гутен таг.

Женщины кивнули, а мужчины промолчали. Мало того, хозяин даже не взглянул на нас, встал и вышел из комнаты. Спрашиваем покушать - «нем тудом». Объяснили на руках и губах, что нам нужно 10 яиц и одну курицу. Пошли исполнять трое. Искали полчаса. Нашли 9 штук. Курицу тоже сварили. Затем мы пригласили хозяина и угостили его вином.

Тогда только он, убедившись, что мы не грабители, а просто кушать захотели – разговорился с нами. Оказалось, что даже немного знает русский язык. Был в Сибири, на Украине. А в 14 году его жену изнасиловали восемь монголов. Тогда она была молодой, а сейчас претолстенная баба. Уехали мы поздно вечером, уже почти друзьями.

Дают жизни за это им наши гвардейцы и особенно десантники-солдаты. Их-то они боятся, как огня. И никакие меры не могут укротить их жажду мести, даже расстрелы.

С ложное понятие – война и не верится, что она закончена. Кажется странным сейчас видеть освещенный электричеством город, отсутствие маскировок, а ведь совсем недавно все

это так строго соблюдалось, и кукурузники то и дело бросали бомбы на появившийся на минутку где-нибудь свет.

Миллионы людей проходят по целым государствам с одного края на другой, в то время как до войны не всякий житель бывал в своей столице. Мне пришлось пройти большой путь по Карелии, через Ленинград в Москву, и далее Киев, Львов, Рова Русека, Ниска, Сандомир (это в Польше), дальше через всю Венгрию, столицу ее Будапешт, через всю Австрию, в том числе пять раз был в ее столице – Вене, и наконец 150 км по Чехословакии. Все это центрально-европейские государства.

Пронесли целой свою голову – это уже кое-чего стоит.

Трудно себе представить наши коммуникации через три иностранных государства. Многие, конечно, не вернутся на свою родину: они отдали свою жизнь за торжество нашей победы.

Мы хоронили своих дорогих товарищей и в Будапеште, и в Ломаш-берени и в Пенфюрте, и в Оберпуллейдорфе, и в Пресбауме, и в Блюмау, и в Вене и даже после Дня Победы в Нов.Быстржице. Умирая, они твердо верили в нашу победу, и она пришла. Они обеспечили Победу своей кровью, жизнями, нам же, оставшимся в живых, нужно ее еще закрепить, с достоинством возвратиться на Родину, встретить свои семьи и утешить семьи погибших товарищей. Много потерял друзей и я за эти страшные четыре года.

19.05.45 г.

Гвардейское «Махнем».

1. Вещь на вещь (не глядя);
2. Часы на часы (по форме);
3. Ход на ход (можно его спутать).

Чехословаки – любители велосипедов. У общественных зданий даже имеются специальные приспособления для того, чтобы поставить велосипед. Получается красиво, когда их много.

Перешел на частную квартиру. Пару слов о той, с которой ушел. Красивое здание, двухэтажное, с балконом. На втором этаже два зала – конференцзал и актовый зал. Моя койка затерялась в углу у стенки в актовом зале, потолок которого расписан в 10 цветов краски. И довершает – герб-лев с двумя хвостами. На всех 4-х стенах в верхней части хорошо написаны и симметрично расположены все названия населенных пунктов, входящих в районный центр Весели. Два больших портрета: один – Бенеша, другой не знаю. Три витрины фотографий руководителей района, начиная с 1891 г. Пол паркетный, хорошая мебель, выходящий на улицу балкон, Два окна со стеклянными дверьми посередине на балкон – занимают всю стену зала. Ночью ослепительный электрический свет. Водопровод. Квартира, где живем сейчас вдвоем с капитаном Шитацким И.А. состоит из одной комнаты на две койки. Рядом комната хозяина с хозяйкой, чисто, уютно, свет, вода – все удобства. Приняли нас очень радушно, приветливо. Хозяйка, несмотря на свой престарелый возраст, целыми часами хлопочет, чтобы чем-нибудь угодить нам; то стол переставит, то новые простыни на койки принесет, то воды в графин нальет, то еще что-нибудь. Чешский язык во многом похож на украинский. Мы хорошо понимаем друг друга. Стол – стул, конь – кунь, хлеб – хлеб, пчела – пчела, мед – мед.

Завтракать, обедать, ужинать – сидать, обидать, вечерять. Для новоселья мы угостили их бутылкой вина вареньем, сливочным маслом и мёдом. С их слов я понял, что они на седьмом небе оттого, что их освободила Красная Армия. На воротах лозунг: «Булы вместе и вместе будем». Хозяин работал до прихода немцев судьей. Сейчас инвалид.

Впервые за всю войну, т.е. за четыре года – завтра... выходной день. Я забыл, что такое выходной. И сейчас не знаю, что я буду завтра делать. Ну, конечно, напишу домой письмо. А еще бы лучше самому получить от Дуси.

Я серьезно опасаясь за ее жизнь. Самые опасные месяцы, в которые я от нее не получаю писем. Для меня тогда все безразлично. Ведь по-настоящему радоваться победе каждый из нас будет дома, в семье. Я жду письмо с часу на час, а его нет вот уже больше месяца. Как все-таки тяжело. 09.05.45 г., в день Победы, я посла ей поздравление. Хорошо, если бы они прочитали его.

21.05.45 г.

Встречая выходной день, 19 мая, вечером, поужинали в компании по случаю присвоения очередных званий штабным работникам: Страве, Галимову, Гордееву. Было вино и хорошая закуска. В 11 час. вечера я лег спать с намерением крепко отоспаться. В 12 часов вечера меня разбудили майор Смирнов, капитан Яблочкин и капитан Шитоцкий. Затеяли игру в преферанс. Перед игрой выпили по рюмочке красного церковного вина, а в дальнейшем каждый был обязан после сдачи карт подойти к столику в углу нашей комнаты и выпить рюмку того же вина. Игра продолжалась до 5 час. утра 20 мая, т.е. выходного дня. В 5 часов лёг спать.

В 11 час. встал, позавтракали. Сходил на совещание в Военную комендатуру города представителем полка. Написал письмо Дусе. Присутствовал при розыгрыше волейбольного матча, интересной встречи наших военных с командой города Весели Мезимости. Наши играли хорошо, но все же проиграли. Купался в реке. Загорал на солнце. Смотрел кинокартину «Маскарад». Разыграли еще одну пульку в преферанс. Ужин. Проверил караул. В 1.00 лег спать.

Сегодня обычный скучный день. Работы мало. Заботы много. Страшно хочется поехать на родину. Скука давит сердце. Думы о родной земле не дают покоя. Дуся, Володя, Лида, Маруся. Маруся, Лида, Володя, Дуся.

22.05.45 г.

Сегодня радостный день. Полк, в котором я служу вот уже три года и который считаю родным, награжден высокой правительственной наградой – орденом Александра Невского.

Все собрались на митинг, долго аплодировали и кричали «Ура».

Целый день писал на подчиненных награжденные листы. Мой полк окружили ореолом славы.

Пишу в 1 час ночи. Только что пришел со службы. Хотел посмотреть кинокартину «Иван Грозный» – не удалось в связи с подбором и отправкой людей в Москву на парад. Подобрали таких орлов, что не посрамят честь славного орденосного полка. Целый день сегодня мотался из одной стороны в другую. Такая моя служба штабная. Часто вспоминаю свой славный «непромокаемый», как его в шутку прозвали мы, 517 стрелковый, где предрешилась моя служба и определилась судьба. Там я был рядовым, здесь офицер, день ото дня ожидающий звания капитан. Уж домой-то я поеду капитаном запаса.

На квартире мы установили приемник. Слушаю Москву. Передали для газет сообщение ТАСС о правительственном приеме в честь командующих фронтами.

Три фамилии для меня особенно близки: Мерецков, Толбухин и Малиновский. В войсках каждого из них я служил. У Мерецкова во время Свирской операции и освобождении столицы КФССР-Петрозаводска, у Толбухина в операциях по разгрому танковой группировки немцев в составе 11 дивизий и освобождении столицы Австрии г.Вена; у Малиновского – в триумфальном марше по преследованию и пленению не сложивших после капитуляции оружия немецких войск и освобождении столицы Чехословакии г.Прага.

02-03.06.45 г.

Два дня на стадионе. Был активным зрителем армейских физкультурных соревнований. Городской стадион, запущенный за годы хозяйничания немцев и ничего не имевший, за неделю приведен в спортивный вид: сделана трибуна, хорошая эстрада, спортгородок, волейбольная площадка, футбольное поле, баскетбол, беговые дорожки на 100 м, по кругу на 400 м, дистанции на 800, 1000, 3000 м. Места для бросания гранат, дисков, толкания ядра, турник, козлы, брусья, оборудование для прыжков в длину, в высоту, танцевальная площадка и много др. К моменту открытия физкультурного парада стадион выглядел празднично:

Еще далеко до стадиона красочно написанные лозунги: «Воин Красной Армии! Находясь за рубежом родной страны, будь особенно бдителен», «Слава героям Отечественной войны» и другие. На арке при входе на стадион – большой красивый портрет Сталина в форме маршала, внизу, под портретом – «Слава великому полководцу!». Справа по всему стадиону – большие портреты Политбюро ЦК, всех маршалов. Прямо – на высоте 3 м – метровыми буквами на красном полотне (каждая буква на специальной установке) лозунг: «Наше дело правое – мы победили».

В левом углу при входе – буфет, в правом – медицинская и судейские палатки. Весь стадион электрофицирован и радиофицирован. На трибуне микрофон.

К 11-00 к стадиону на легковой машине подъехал командующий – генерал-полковник, Герой Советского Союза – Глаголев, его начальник штаба, генерал-майор Рождественский, член Военного Совета генерал лейтенант Громов, командиры дивизий, корпусов, всего 12 генералов. Музыка играет марш. Стройные колонны загорелых, крепких, видавших виды воинов прошли мимо трибуны в зеленых, красных, белых, голубых и другого цвета майках и трусах (по командам) и заняли свои места. Диктор объявил начало физкультурных соревнований. Вызываются судьи по различным видам спорта в судейскую палатку к главному судье. Через 5 минут, точно в указанное время, дан 1-й старт на 100 метров. Первым пришел майор из части Миронова. Его время 12,1 сек. Затем был дан целый ряд стартов на различные дистанции. Наибольший интерес к беговой дорожке привлекли внимание 10000 зрителей забег на 3000 метров. Директор объявил: бегунам осталось пройти семь кругов. Горячо оспаривали каждый метр пути восемь участников. Вот на предпоследнем круге резко сокращает просвет отставший невзрачный на вид, но крепкий боец Славин.

На расстоянии 400 м он догнал самого переднего. Вот уж диктор спрашивает его фамилию, фоторепортер щелкнул аппаратом. Остался один круг. Славин резко вырывается вперед и летит стрелой. Создается впечатление, будто бежит он один, а остальные застыли на месте. Публика встает, рукоплещет, кричит, у слабых сердцем навернулись слезы: этот сухонький, лет двадцати парень, со шрамом на лице и голени ноги от ранения, под рукоплескания 10000 рук, всеобщий восторг делает прыжок и грудью уносит за собой ленту финиша. Его время 9 мин. 15 сек. Лучший результат броска гранаты – 65 м, лучший результат прыжка в высоту – 165 м, лучший результат прыжка в длину – 6 м. До 20.00 часов продолжались соревнования лучших физкультурников армии.

В 21.00 начался концерт Красноармейского ансамбля песни и пляски второго Украинского фронта. Цивильное население чешско-словенской республики (г.Весели над Лужицей) было в восторге, не находило себе места при исполнении народного танца «Молдаванеску» и красноармейских плясок.

Концерт продолжался до 12.00 час. Большой интерес второго дня праздника привлекала товарищеская встреча по футболу части Рождественского и сборной команды чехов г.Весели. Каждый хороший удар своих население города встречало аплодисментами, а каждый гол в ворота – неистовыми криками тысяч голосов детских, женских и мужских. В течение 2-х часов с перерывом между таймами публика, переполнившая стадион, напряженно следила за игрой. Каждый болел за своих. Люди сидели на скамейках, лежали и стояли прямо на траве, сидели на ограде стадиона, ребяташки облепили деревья, чтобы лучше видеть, взбирались на крыши домов. Мне кажется, что присутствовал весь город. Дома оставались только те, кто не мог пойти по старости или болезни.

Переживали и мы за своих, радовались и тоже горячо рукоплескали, хотя без криков, когда удачным маневром нападающий обходил своих «противников» и стремительным ударом вбивал мяч в ворота Чехословакии. Они играли лучше нас. Видна техника паса, удара и вообще сыгранность. Но несмотря на это, счет матча 5 : 3 в нашу пользу. Наши играли исключительно энергично, упорно, смело: «Не жалея сил и даже жизнью». Так вратарь, например, спас до 5 «мертвых» мячей, каждый раз после прыжка за мячом падал на живот и грудь плашмя, невзирая ни на что. Население города осталось очень довольным таким мероприятием.

Праздник закончился заключительным концертом на эстраде стадиона, танцами, массовым гулянием. В двух кинотеатрах шли наши фильмы «Маскарад», «Иван Грозный».

Придя домой в 22 часа, я не пошел на концерт. Организовали с другом семейный ужин, где были я, он, хозяйин, хозяйка, их сын. Чайник бору так и не допили. Они пьют очень мало. Сын их завтра уходит в свою армию: надпоручик (старший лейтенант). Говорили, пили, закусывали до часу ночи.

Остановились все на одном убеждении: как бы ни было хорошо здесь или еще где в другом месте, но лучше всего дома. Когда лег спать, то долго-долго думал о доме, о своей семье, которая где-то там далеко, на родине и, может быть, ждет меня.

04.06.45 г.

Получил письмо от Дуся, которое меня очень тронуло. Третий месяц не работает, кроме койки ничего не знает. Может быть, ей хуже, а не могу ничем помочь. Там Володя бегает, узнает, откуда течет ручей. Хочется заплакать. Нервы очень подрастались. Сердце болит, ноет. Я не вынесу удара., но нет, такую мысль прочь из головы. Дуся меня дождется. Больше ждала.

Мария пишет, как бы им просуществовать, а не прожить. Что они оборванцы и никому не нужны. Письмо полно гнева, обиды на свою судьбу. Такая обида, ничего негде достать. Николай допрос снимает, где она живет. Андрей женитьбой занялся. Получили извещение, что Шурку убили немцы. Все шишки на голову. Меня тоже это касается. И все неприятности в один день.

Это после веселого праздника похмелье. Костя перенесет, ему не привыкать.

Чехи, по моим наблюдениям, народ практичный и очень экономный.

У них во всем экономия: в питании, в электроэнергии, в бумаге на уборные, во времени и прочее. Утром только чай.

На ужин легкая закуска без чая. Уходя из комнаты на минутку, свет выключают, радио выключают.

Но странно: сапоги стоят 7-10 тысяч крон, а свинья на базаре продается за 3400 крон. Велосипед и часы новые не по-нашему расцениваются: у них велосипед дешевле часов, у нас наоборот.

Справляют все религиозные обряды: венчание, крещение, праздники, отпевание умерших.

Причем всех умерших в городе увозят в церковь, затем на кладбище в одной и той же карете, специально устроенной, на специально назначенных лошадях, в траурном уборе. Хоронят под духовой оркестр.

Если при дожде похороны – вся процессия под зонтиками. Зонтики у всех.

В праздник годовой или нидиля (воскресенье) – в переводе «не делай, не работай» все выходят на площадь от стара до мала. Стоят, встречают знакомых, гуляют по аллее (единственной в городе), о чем-то говорят по целым дням. К вечеру остается одна молодежь, которая затем идет на танцы. Танцуют все.

Большие любители спорта. Оказывается, футбольная команда, с которой встречались наши ребята, 3 июня обыграла три американских команды в соседнем городе.

Очень интересуются русским: а водка русская, а хлеб русский и т.д. Когда я дал посмотреть свои часы и сказал: «Московские», так их смотрели с большим интересом столько, что я думал, не отдадут.

Уделяют большое внимание быту, одежде. Спят каждый на своей койке. Очень бережны. Одежда у них никогда не рвется, как иногда у нас, и носится до трухи, сохраняя вид совершенно новый. Когда я хотел попробовать качество одного костюма на прочность, то чуть не попал в неудобное положение. С виду новый, он еле держится, еле не расплзается.

Радиорепродукторов я у них не видел: по возможности, у каждого приемник.

1 июня впервые за шесть лет справляли национальный праздник «Господне тело». Все жители вышли на улицы, пристраивались к процессии и шли на площадь.

Впереди духовой оркестр. Рота военных, рота пожарников. За ними - два мальчика в белом, с бубенцами. У одного – в правой, у другого – в левой руке, потряхивают поочередно, беспрерывно. Затем поп под спецпокрывалом в кистях, в виде шатра, который несут четыре здоровенных мужчины без шапок.

За попом в 4-х метрах «знаменная» группа: несут образа святых, священные хоругви. Все разодеты в национальные костюмы. За образами – строем по четыре, взявшись за руки, идут дети. Впереди самые маленькие, затем больше, больше и до юношей. В руках цветы. Идя по мостовой, умышленно роняют по мостовой лепестки разноцветных цветов, отчего дорога становится похожей на ковер. За детьми, так же по четыре, организовано, идут остальные жители, кто как успел построиться. Мы стояли на панели. Кто-то из ребят обронил деньги и не хотел нагибаться, пока пройдет процессия. Проходившая мимо женщина молча подняла и передала мне, я поклонился.

Необыкновенная демонстрация обошла памятник святому Яну Гусу, что на центральной площади, рядом с нашим домом, и пошла за город.

Я невольно подумал: религия – дурман, но как это дисциплинирует, воспитывает вежливости, почитанию старших. Смешно, конечно, слепо верить предрассудкам, но когда народ не имеет других вех в действительной истории, ему необходимо такое празднование.

До 8 ч. утра (с 22-00) играли в преферанс: я, Шитоцкий, Дмитриев, Смирнов, на квартире у нас. Каждый сдающий карты в свою очередь подходит к другому столу, где стоит чайник литров на восемь вина, различная закуска и в обязательном порядке выпивает рюмку. Так продолжалось до тех пор, пока было вино в чайнике. Я проиграл 45 крон.

Известная русская азартная игра «в очко» в Чехословакии также распространена под названием «в двадцать одно».

09.06.45 г.

Сегодня на офицерском собрании командир нашего орденоносного полка полковник Ротов объявил приказ, подписанный маршалом Малиновским о присвоении пяти офицерам очередных званий за добросовестную и безупречную службу на фронте Отечественной войны. Нас выстроили, я ничего не знал, когда услышал свою фамилию. Мне присвоено звание гвардии капитан. После поздравления рукопожатиями полковник произнёс за нас тост, и все мы выпили до дна.

Итак, с сегодняшнего дня я - капитан. Здесь же младший лейтенант Калхасов приколот мне по одной звездочке на погоны. Такие события в службе офицера случаются нечасто.

До капитана я служил около 6 лет, из которых год - красноармейцем, ефрейтором, год - младшим сержантом, сержантом, старшиной, год младшим лейтенантом, год лейтенантом, с лишком год - старшим лейтенантом

10.05.45 г.

Самолетом лечу в Вальденбург (Германия).

Подарили два букета цветов, куда их деть. Засушить и цветы с собой?

Да, все-таки останется действительно добрая память о замечательном народе Чехословакии «Нам будэ смутно», как сказала соседка.

13.06.45 г.

Вальденбург.

Целый день потратил на разъезды по городу. Делал некоторые наблюдения за немцами. Они охотно отвечают на все вопросы и готовы вступить в разговоры с каждым желающим. Но о чем с ними говорить? Во-первых, потому что они исконно наши враги, причинившие нам столько бед и страданий. Во-вторых, потому что мой лексикон не выходит из десятка слов: добрый день, до свидания, трамвай, вы, купите, нет, продать, часы, улица, пожалуйста.

Немцы резко отличаются от всех иностранцев, с которыми мне приходилось встречаться. Это волки в овечьей шкуре. Они боятся к тебе подойти. Но он не уступит место в трамвае, сам займет, если ему уступить. Они не откажутся от денег за билет, мало того, если ты скажешь, что сдачи не надо, он охотно положит ее в карман себе. Без задней мысли дают сдачу разменной монетой со свастикой. Сами с домов не уберут фашистский знак. Спокойно проходят мимо висящего на веревочке Гитлера. Жадно читают наши объявления. На тебя не смотрят, когда смотришь на них. Если ты их не замечаешь, смотрят так, будто вшей ищут. Наши их не трогают, и я бы сказал, не притесняют, за исключением жилплощади.

Движение даже по улицам такого большого города, как Вальденбург, незначительное, так как все стараются ехать в троллейбусах, трамваях, которые ходят в изобилии во всех направлениях и за шесть км в окрестности. Носят приличные костюмы, обувь с деревянными подошвами. Питание недостаточное, даже плохое. Ребятишки просят у русских марки и докурить. В магазинах курить нечего. Женщины исключительно некрасивые, даже «страшные». Никакого сравнения с чешками. Грубые, развратные. Одна женщина пришла в комендатуру и расплакалась, что русские солдаты выбросили из ее комнаты все вещи, койку и поселились жить. Знала бы она, что ее сын или брат делал в Киеве, Витебске, стыдилась бы говорить.

Но они это знают. Они удивляются, что мы их не убиваем, не насилуем, не привязываем за деревья, но, зная русское великодушие, они рассчитывают еще на большее. Если им во всем уступать, они сначала будут советовать, а затем командовать. Я не видел ни одного немца на автомашине, велосипеде или мотоцикле. Нет у них их. У них нет радиоприемников, телефона, но изредка они смотрят наше кино. На центральной площади плакат «Водружение Красного Знамени над Берлином».

Самое высокое здание в городе – семь этажей. Стены зданий окрашены в темно-серый цвет, что резко отличает общий вид немецкого города против чешского, где белизна домов видна за несколько километров.

Везде электричество и газ. Нет дома без электросвета. Много пива, которое стоит три кружки - за 1 марку. У нас же в военторге это пиво продается по 25 марок литр.

В городе много русских и поляков, чехословаков и других наций, которые покупают себе лошадей, машины и организованно возвращаются к себе на родину.

Когда я увидел жалкие слезы женщины в комендатуре, то вспомнил своих гвардейцев-десантников, которые, к сожалению, не прошли именно здесь. Запомнились бы они им на всю жизнь, да и детям бы передали по наследству.

Бреслау.

Крупный немецкий промышленный центр. Что от него осталось? Почти ничего. Мертв, пуст, разрушен так, что сейчас, когда война давно кончилась, нет жителей совершенно. Нет ни одного военного, нет даже регулировщика, который обычно есть в каждой деревне. Нет ни одного целого дома, все разрушено, почти на всех улицах были баррикады, свидетельствующие об уличных боях.

Вряд ли этот город возродится вновь.

Проехав по улицам города с одного конца на другой, почти через центр, не встретил ни одного человека, ни одной скотины, ни одной домашней птицы, вообще не встретил ничего живого, если не считать одной кошки, испуганно перебежавшей нам дорогу.

14.06.45 г.

Горжице.

Рано утром мы поехали в корпус, затем в дивизии и полки. Пришлось проехать несколько немецких городов: Зальцбрун, Шарлотбад, Либау и другие. Проехали еще раз чехословацкую границу с пограничным столбом и часовым на посту, который только поприветствовал нас и все. Обогнали целую колонну русских, возвращающихся к себе на родину. С ними целое стадо коров, которых они гонят отчасти себе, отчасти в воинские части. Были в Дрездене. Дорогой рвали черешни прямо с машины.

Крайний пункт, куда мы следовали – Горжице, Чехословакия. Как рад был я снова услышать их «наздар, наз глядару» и приятные, радостные лица.

В Вальденбург возвратились в час ночи. Дорогой на обратном пути нас захватил проливной дождь, который, кстати, идет здесь каждый день.

На газовой плитке вскипятил чайку, выпил с сахаром, согрелся и улегся спать.

Командировка в Вальденбург чуть было не закончилась для меня трагически. Об этом стоит написать особо. Наш У-2, «Русфанер», как его прозвали немцы, был обстрелян бродячими фашистами, вооруженными бандами, каких немало еще было из миллионной группы армии фельдмаршала Шорнера, не капитулировавшей после подписания акта о капитуляции, и с которыми проводились операции после дня Победы. Самолет был подбит, горящим упал. Нас успели вытащить. Без сознания.

15.06.45 г.

Посетил курорт (бывший немецкий, теперь офицерский Дом отдыха Первого Украинского фронта).

Бад-Зальбрун. Какие красивые места. Весь в саду, между невысоких гор, покрытых красивыми декоративными деревьями, фруктовыми и другими. Красивый сад, с хорошо убранными, прямыми аллеями.

А сколько цветов! Есть целые аллеи из разноцветных ароматных цветов. Беседки, оградки, клумбы, витрины, статуи, все, что ярко бросается в глаза и привлекает внимание человека. Когда-то здесь жирели фрау и фрицы, сейчас я доволен, что дышу ароматом цветов этого великолепного сада и топчу его дорожки своим собственным сапогом.

Когда-то, совсем недавно, у кассы стояли очереди молодых и старых «армейцев», а русским вход был воспрещен. Теперь я читаю: «Для офицеров вход свободен». Там бывают свободно все наши военнослужащие, кто оружием и силой установил здесь свои порядки, свои законы.

Обратно ехал в трамвае, один, среди битком набитых немцев. Я сидел, никому не сказал ни слова. Подал деньги, и мне дали молча билет и филеры сдачи со свастикой. Хотел выбросить их в окно. Никто и мне не бросил слово. Если бы я встал и крикнул: «Вон из трамвая», - они бы не все разбежались. Среди них нашлись бы нахалы воткнуть мне в спину нож.

Но они боятся. Они большие трусы. Еще не было ни одного случая нападения и убийства наших солдат и офицеров, хотя ходят все когда угодно и где угодно. Позавчера я даже брился у одного пузатого немца. Когда он брил мне подбородок, я подумал: «Что ему стоит чикнуть». Но я уверен, что он никогда этого не сделает. Его за это повесят, а он трясется за свою жизнь больше всего. Но пистолет я всегда ношу с собой: вид солидный.

Завтра думаю трогаться в путь – дорожку дальнюю: 600 км или 650 км – длинный марш. Еще не знаю, какими средствами: или на самолете, или пешком. Пешком по Европе - не может быть. Один самолет угробил. Поеду поездом.

16.06.45 г.

Кто поверит, если я скажу, что русские аплодировали немцам? Но это было сегодня на концерте в Вальденбурге в театре «Капитоль». Я был на дневном концерте с 17 часов, когда зал был набит немцами, а русских было человека три-четыре. В концерте мне понравилось выступление канатоходца, которому и аплодировал за искусство. Программа концерта состояла, в основном, из легкой музыки. Характерно, что ни один номер немцы не объявляют, так как каждый имел на руках программу. Барабан занимает центральное место, сидит за ним руководитель джазоркестра. На аккордеоне играла женщина в очках.

17.06.45 г.

Вот и семнадцатое, а я и не думал ехать к себе в часть. Собственно, мне здесь неплохо. Решил я приобрести радиоприемник.

Пошел к помощнику коменданта города по хозяйственной части подполковнику Богомолу. Время было 20 часов. Этот чудаковатый, оригинальный старикан встретил меня такими словами: «Война капут. По ночам не работаем. План работы утвердил парторг. Приходите завтра к 11 часам прямо на склад». Все это скороговоркой. Вот это завтра и есть сегодня. Был на двух складах. Огромное количество приемников. Выбрал четыре. Два раздал, два оставил. Слушаю Москву. Прекрасно.

19.06.45 г.

В 11 часов поехали с полковником Никульниковым по частям. Приехали в Бад-Зальцбурн – курортный город. Там располагается часть Приходько. Прежде чем приступить к работе, нам предложили ванну, чем я с удовольствием воспользовался. После ванны пригласили к завтраку, на что полковник ответил: «Ну, что у тебя там есть? Наверно, кроме курятины, ничего нет. Вот если бы у тебя гусь был, тогда бы дело другое».

Казалось бы, такое предложение полковника могло бы послужить отговоркой. Но Приходько не смутился таким вопросом. «Гусь так гусь. Будет и гусь». Через 10 минут мы уже кушали жареного гуся, запивая красным вином. Выходя из-за стола и благодарю хозяина за хороший завтрак, полковник сказал: обедать к тебе приедем, чтобы были пельмени и московская водка. Здесь же был вызван повар, большой делега и проныра ефрейтор Мусатов. Выслушав приказание и взяв под козырек, он выпалил: «Из чего прикажете. Из свинины, баранины, гуся или утки?» Мы ушли.

Через пять минут мы были снова в пути на Ланденхут. Дорогой случилось несчастье. Спустило колесо, а у шофера ни клею, ни запаски. Поблизости ни одного военного. Через минуты три остановили мотоциклиста. Оказался фельдъегерь со срочным пакетом. Задерживать нельзя. Еще через пять минут останавливаем легковую машину. Шофер – немец цивильный. Пассажиры какие-то польские инженеры. Попросили на обратном пути захватить нас. Для уверенности я сажусь пятым в кабину, отвожу их до места и возвращаюсь с шофером. Вдвоем. Доехали хорошо. Дозаправили машину бензином, посадили второго шофера и отправили. Через 30 минут пришла и наша машина.

Вчера я и не подумал о том, что встречу еще тех четверых незнакомых мне лиц, что выручили машиной. Еще мелькнула мысль, дозаправлять ли машину бензином, ведь я их больше не увижу, и кто они – не знаю. Но моя справедливость не позволила мне поступить иначе, и сделал честно. Сегодня, в Вальденбурге встретил сначала шофера-немца, затем того инженера, что дал нам машину. Мне не пришлось краснеть. Я снова поблагодарил их за машину, а он поблагодарил меня за бензин. Оказывается, нельзя рассчитывать только на свои интересы; выручили тебя, не останься и ты в долгу – это окупится. Как он доволен был тем, что помог нам, тем, что встретил меня, а еще больше тем, что мы возвратили ему машину, да еще дали на путь бензина. Целый день ездил по частям. Принял две отдельные части и направил своим ходом в направлении к Будапешту. Это 700 км пешком. Стариков снабдили всем, что нужно в дорогу, дали посылке на 6-8 человек, парную повозку и тоже отправили в Россию.

Пусть едут. С них хватит. Они свое отслужили. Пусть не вспоминают плохо о нас.

Сегодня предстояла поездка в Бреслау. Но сорвалась. Поехал инженер-капитан Тимофеев. А я до 12 часов работал по оформлению документации, а затем свободен. Побрился. Сходил в НХО, получил печенье и папиросы. Затем в ресторан – пива нет. Прилег отдохнуть и проспал до обеда, до 16 часов. После обеда пошел пить пиво. Думал посидеть до вечера, но какое-то дурацкое настроение, все тяготит, все чужое, незнакомое. Выпил три кружки. Противно; кажется, и пиво будто разбавлено водой, и толстый немец, что наливает пиво, и тонкий, в очках, высокий, что разносит, тоже противными кажутся. Их вежливость так же, как пиво – разбавлены водичкой.

Кругом галдеж, пьяные рожи русских солдат и офицеров. Вот двое выходят из рамок только потому, что им не несут обед, которых вообще здесь не бывает. Один собирается ударить официанта в очках, чтобы он вылетел в двери. Хозяин им не смей сказать слова – все к черту полетит: и посуда, и пиво. Не зря сказал еще в Хохволькерсдорфе один австриец, бывший в плену в России: «Какой дурак!» Я тогда был поражен его прямоотой и резкостью, но он был прав. Русские не знают меру вина, не знают рамок поведения.

Я не хотел вмешиваться в их компанию, не имея на своей стороне даже знакомого человека. Будь со мной товарищ, повторился бы рязанский случай, когда мы с лейтенантом Валуевым пустили со второго этажа по лестнице двух пьяных «героев» Советского Союза, как они себя именовали (документы проверять было некогда, а обстоятельства не терпели, когда они лезли в морду). Вышел я из этого кабачка, сел в троллейбус и приехал к себе на Генрихштразе. Не доезжая один квартал, слез, не уплатил за проезд, пересек парк, не задерживаясь нигде, пришел на квартиру. Включил радиоприемник, поймал Москву, и под музыку Глазунова сел писать свой дневник. Написал кратко за вчерашний и позавчерашний день. Кратко, не записав, может, и сотой доли. Сколько остается не записанных интересных моментов. Я бы мог дать много ценных эпизодов для человека, который будет писать книгу о гвардейцах. Интересных случаев, не отраженных еще в литературе, обративших бы на себя внимание.

А) Гвардейское «Махнем?»

Б) Гвардейские именины

В) Непригодна к службе в армии (надпись, сделанная на выбритом боку свиньи).

Г) История с козой.

Д). История на мосту.

Е). Босой за танком.

Ж). На выручку мотоцикла в занятой противником деревне

З). Высота 340.

И). Белая поляна.

К). Мотор поставили.

Л). Постоим за друга.

М). «Интендант, лезь в воду!» - и много других.

Только сейчас уехали мои гвардейцы. Я остался жить до 22 июня. Здесь один, в четырехэтажном доме, с фашистским знаком на углу. Время 20.00 часов. В 21.00 иду на ужин. В 22 буду писать Дусе. Теперь, наверно, от нее что-нибудь есть там, а меня нет. Скорее бы в часть. К черту. Надоело это путешествие по Европе. В Германии я проехал более тысячи километров.

22.06.45 г.

Закончил дела в Вальденбурге. Вечером прибыл в г.Фридланд, в часть Майзенберга. Сразу же установил приемник и прослушал доклад генерала армии Антонова о демобилизации старших возрастов. Как я заключил, меня это не касается.

23.06.45 г.

Глатц, Габельтвердт, Лихнов, Габельтвердт, Глатц, Штрокенау. Это путь в колонне по направлению к Будапешту. Какая масса машин, повозок, пеших движется по дорогам Германии Кажется, половина СССР за границей. Но это, конечно, кажется. Вообще-то очень много. Здесь же идут и немцы к нам в глубокий тыл. В Штрокенау остановились ночевать и дневать. На трех отвели четыре комнаты. Переспали Sehr gut. Тем же путем и обратно ночевать в Штрокенау, откуда отправим обозы, находившиеся на дневке. Вопрос с бензином? Втроем среди немцев.

25.06.45 г.

Штукердорф.

Лоншкроук. Цвитау. Переезд немецко-чехословацкой границы. Со стороны Германии – польская застава. Потребовали «бумажку с печаткой» – пришлось поднажать. С чехословацкой стороны – чешско-словенская застава. Машина на скорости 50-60 км. За 100 метров часовой поднял карабин в ружье. А когда заметили, что машина советская, даже не остановили, поприветствовали и указали дорогу.

Дорога через горы, зигзагообразная. Интересно смотреть сверху на змееобразную колонну по дороге.

В одном НП пришлось стоять часа четыре из-за прокола резины гвоздем. К счастью, это случилось у пивоваренного завода. Пока шофер менял скат, клепал и пр., мы пили пиво, ловили раков в пруду и за 100 крон купили бочонок пива на 25 литров, который захватили с собой.

В Лопшкроуке нагнали Приходько. Пообедали с водкой и поехали на Цытавы, что от Брно в 50 км.

Остановились в гостинице на два дня. Заняли номера. Комнаты обращены окнами на запад в сторону гор. В 25 метрах от дома мимо окон – железная дорога. То и дело курсируют поезда.

Риклих (скорый) и др. За железной дорогой быстрая горная речушка, и далее подножие гор. Открывается довольно красивый вид. Рядом с железной дорогой проходит магистральное шоссе (по другую сторону нашего дома). Двигутся сплошными колоннами автотранспорт, обозы, пешие, гонят гурты коров, овец. Каждый гурт имеет свой номер. Вот прошел 419. Этот скот из Австрии и Германии идет с частями по инстанции.

Кругом вечный шум, стук, грохот, крики, песни, гармоника, треск мотоциклов, гул моторов, цоканье копыт по асфальту. Эта своеобразная музыка начинает надоедать населению. В первые дни жители от мала до стара с утра до поздней ночи толпами стояли у своих домов и смотрели, как «руда армада» движется по их дорогам, смотрели и каждый колонне говорили «наз глядану» «наздор» и махали руками и платочками. Теперь, когда это длится десятки дней, они побаиваются за свои дороги, да и как говорят «В семье не без урода», чужак какой-нибудь из тысячи отчудит номер в деревне, а к нему потом приписывают больше. Поэтому иногда приходится в пути искать квартиру, в то время, как сначала сами приходили и приглашали к себе на квартиру и даже обижались, если не пойдешь. Все-таки, как они нас уважают, несмотря ни на что. Немецкие дети боятся нас и не идут ни за что к нам на руки. Чешские идут с первой встречи как к давно знакомому человеку. А отношение детей – это большой показатель.

Мор Храстова (Mor Chrust).

26.06.45 г.

Цвитавы. Дневки. Побрился. Постригся. Позавтракали в гостинице. Поехали на ст. Скалице узнать, идет ли поезд на Братиславу. Поезд идет ежедневно в 12-15. Билет стоит до Комарно 180 крон вторым классом. Инженер едет поездом. На пометку кассир дал нам 5 крон монету серебром. Выпили лимонаду и обратно.

Пошли к кройщику гладить костюмы. Сняли свое военное обмундирование и надели гражданские костюмы.

Пошли в сад. Загорали полтора часа, пока он гладил. Погладить костюм стоит 10 крон, или 4 рубля. На обед пересоленные до невозможности котлеты, пиво, молоко.

Вечером – в зале баян. Позднее, до 1 часа ночи, играли в шахматы.

Впереди еще длинный путь по горам и равнине венгерской до Будапешта. Там, наверняка, мне есть письмо. Я спешу в столицу Венгрии единственно затем, чтобы там получить письмо из Шарчино от Дуси. Смешно было бы об этом подумать даже в прошлом году. По всей вероятности мне еще придется послужить не меньше года. Дождется ли меня Дуся? Это будет 7 лет.

27.06.45 г.

Начал день с парикмахерской. Затем поехал провожать инженера Тимофеева на станцию Скалице для поездки до Комарно поездом. Побыл там до 2 часов, отправил на «Рыхлике» через Брно в 14.20 и на «Ганзе» возвратился в Цвитовы, где буду до завтрашнего утра.

День сегодня пасмурный, скучный, тем более, что остался я без инженера, с которым много проехали вместе. Может быть, когда-нибудь мне вспомнится тот пейзаж, который открывается из окна, на подоконнике которого пишу вот эти строки. Как далеко до дому. Как далеко даже до Москвы. Когда нас встречают чехи и чешки и говорят, радуясь за нас: «Вже иждидите до дому, иждидите до родины (до семьи)» - я говорю «Да, но это «да» мне давит грудь, т.к. в самом деле я еду еще далеко не до дому, не до родины. Мне предстоит проехать Чехословакию, захватить кусочек Австрии, Германии и, наконец, въехать в столицу Венгрии Будапешт. Сколько я там буду, об этом знают только Сталин да Молотов.

19.00.

- Наздар. Здравствуй.
- Киликко годин пишдите кусать!
- В девять годин.
- Так позде?
- Можно в 10.
- Ще позде. Так буде в 9 вашему, у восум годин нашему.
- Так завтра по рану прич?
- Колико рано?
- В 10 годин поедем.
- Уж нам буде смутно.
- Мы тоже будем скучать.
- Дякую.
- Спасибо.
- Уж я ишиду працюват.
- День пекна.
- Да, день хороший. Я тоже буду работать.
- Уж назглядану.
- До свидания.

Так примерно выглядит краткая запись моей беседы с хозяином гостиницы сегодня в 17.00.

Кажется странным, что к обеду хлеба не подают. Мы к этому не привыкли и обыкновенно спрашиваем хлеба к обеду. В городе ничего, кроме лимонада, не продают. Точно так же и в соседних городах: Скалице, Литовице и др.

Чехи исключительно любят велосипед. Даже старики и старухи ездят на велосипедах. Мотоцикл встретишь реже, «ауто» еще реже.

В жаркий день мужчины ходят в трусах, иногда трусы кожаные. При этом без шляпы, но нередко с зонтиком. Даже на танцы ходят в трусах.

Пару слов о европейской культуре. Когда мы заехали в гостиницу, хозяин жаловался нам, что до нас два русских офицера вели себя плохо, и в постель ложились в ботах, окурки бросали на пол, а когда уехали, так не только не заплатили, а даже «дякую» не сказали. Можно было подумать, что сей хозяин содержит гостиницу в образцовом порядке. Но когда мы пожили здесь двое суток убедились в обратном. В номерах уборка не производится, пол не моется, живи хоть неделю, не подметается, не говоря о заправке коек, которые сами заправляем. Вода из тазиков не выливается, пепельницы нет. Окурки поневоле бросаешь за окно. В уборной чисто, зато темно (свет не всегда). К столу подают небрежно. Готовят плохо. Вчера подали котлеты – кушать невозможно – пересоленные. Что-нибудь да нужно спросить, то соли, когда что-нибудь не досолено, то горчицы, то хлеба; то кофе подадут, а сахар принести забудут. На столе пепельница, как правило, полна всегда окурков. Здесь же играют в карты, в соседнем зале играет баян, и поют песни по-деревенски. Где же культура? На кухне прислуга купает ребенка в тазике, в котором, возможно, будут мыть картофель.

Зато кушают второе: обязательно в левой руке вилка, в правой – нож. Держат, как мы берем иголку. Кофе – только один стакан.

Парикмахерские. Мылят твою бороду. Ну, прямо полчаса и кисточкой, и пальцами, а усы так только пальцами. Вода везде холодная. Мылят до тех пор, пока кожу покроет какая-то тягучая мыльная плёнка. Затем бреют, причем на один раз. Бреет быстро, лишний раз не проведет. После бритья кладет бритву в карман, затем приносит фарфоровую посудину с выточенным краем для прикладывания к лицу, ладошкой моет лицо, вытирает той же салфеткой, что у тебя висит на шее, обязательно причешет волосы.

Если не укладываются, смочит водой, за неимением одеколона. При наличии одеколона, крема, пудры, делает все, не спрашивая, как у нас: «Массаж, одеколон, пудра?» и пр. Стоит довольно дешево, 5-8 крон, что составляет

1 руб., 1 руб.50 коп. Еще особенности: шею не бреют, стригут волосы после бритья. Если не скажешь, как подстричь, постригут как-то по-французски, что по-нашему получается вроде «под горшок». Чехословацкие парикмахеры лучше мажарских. Этот хоть долго мылит, зато нежно, а если тебе надоест сидеть, ты можешь уснуть или вздремнуть, т.е. отдохнуть, пока вин процуе.

Парикмахер–мажар – это прямо мясник. Того и гляди, полетишь со стула, как начнет драить кисточкой, пальцами и даже ладонью, а когда начнет махать бритвой, того и гляди, зарежет совсем или отхватит какую-нибудь часть лица, либо нос, ухо и пр. Но к счастью, не сделает и царапины.

Брно (BrŮn). Брно – это большой чешский город, вторая столица республики. Вгун для чехов все равно, что для нас Ленинград. Часов в 14 сегодня буду там. Всю валюту в кронах думаю израсходовать в Брно. Наша «Ганза» уже стоит у подъезда гостиницы и ожидает своих пассажиров – командир части и я. Но мы еще не завтракали, хотя услужливые хозяева раза три спрашивали: «Уже будите кусать?» Для них это странно, что мы завтракаем (снидаем) в 10.00, обедаем в 16.00, ужинаем в 22 часа. В Брно пока мы чинили камеру, несмотря на то, что мы находились в кольце движущихся машин и людей, к нам проникли две девочки и мальчик лет по пять с половиной.

Они то залезут в машину, то под машину, то нажмут на сигнал, то собаку подразнят, которая все время едет с нами. Без умолку говорят, обо всем расспрашивают.

- Вот она все не разумея, а я разумею.
- Нет, это я разумею, а ты нет.
- Поедте с нами в Москву.
- Я поеду, если поедет маммика.

Где бы мы ни останавливались, нас всегда окружает толпа детей.

БРНО – большой город. Длинные, прямые улицы с высокими зданиями составляют красивые кварталы. Трамвайное движение пересекает город во всех направлениях. Улицы все асфальтированные, трудно найти в городе Клочок земли, не

покрытый камнем или асфальтом. Много зданий разрушено. Камни разрушенных зданий сложены в кучи, но не везде вывезены. Движение беспорядочное.

На каждой улице стоят регулировщики, которые иногда уходят с поста читать газеты, пить лимонад. В городе работают магазины, но купить нечего, кроме деревянной обуви и лимонада. Мосты в большинстве взорваны. Нам нужно было выехать из города на дорогу: БРНО – Годонин кратчайшим путем. Я спросил у горожанина, как выехать, записал все улицы, повороты и т.п. Поехали. Доехали до перекрёстка дорог и совершенно неожиданно для нас какой-то молодой человек, успевший на велосипеде достигнуть сюда, пока я записывал путь, показывает нам дорогу, хотя мы его и не спрашивали. Уж если они показывают дорогу куда, так чтобы быть уверенным, что мы поехали правильно. Иногда едет с тобой 2-3 км с тем, чтобы не сделать 10 км лишних или не попасть на плохую погоду, которых, кстати сказать, в Чехословакии мало. Те же дороги, нанесенные на карту проселочными грунтовыми – хорошие дороги, и в любую деревню можно ехать на машине с надеждой, что не сядешь. Мешают иногда горы.

В 6 км от БРНО остановились ночевать в дер. Тельнице. Пошли в народный выбор (это как наш сельсовет) насчет квартир. Председатель, сказав господарю секретарю написать нам бумажки на 4 дома. Дали разводящего, который повел нас в отведенные дома.

Один из домов оказался домом попа. У него 8 комнат, из которых 4 совершенно свободны. Беда в том, что нет постелей (кроватей), жалуется поп. А еще он нам жаловался на русских солдат.

Вот что они оставили мне на памятку. И он провел нас в комнату, очевидно, которая была его кабинетом. Действительно, там все вверх дном, книги из шкафов выброшены на пол, трюмо разбито, все разворочено, разбросано. Ценные вещи, с его слов взяты. Как я убедился, он специально не убирает комнату, чтобы показывать ее нашим офицерам, пока они идут по этому тракту. Мы просим найти еще одну постель и обещали зайти ночевать.

В другом доме нас встретила старуха. Она не жаловалась на русских, говорила, что рада нам, что мы свои. Я не предъявлял записку нарвыбора и хотел стать на квартиру по доброй воле хозяйки. Но по всему было видно, что она боится пускать нас в комнату, которая окнами на улицу и с богатой обстановкой. Мне нужно было во что бы то ни стало занять именно ту комнату и доказать, что мы не сделаем плохо. С трудом она согласилась, вернее решилась рискнуть, сказав: «Ладно, уж уделаем». В 11.00 часа вечера, когда мы пришли с Майзенбергом ночевать, все было готово: постель приготовлена, на столе полная миска черешен.

Когда вошел наш транспорт в Тельнице и остановился у клуба, сразу же его окружили ребятишки. Их было человек до 15. Они всем помогали: повару – поднесли на кухню воды, рабочим – колоть дрова, разжигать костер. За табак натаскали целую палатку черешен.

Пели песни на своем языке. Ругались по-русски. Последнему научились все, где были русские.

К красноармейцу Козел (ординарец офицера Машкина) привязался мадьярский мальчик лет шести. Не отстаёт от него ни на шаг.

- Чем же вы занимаетесь? – спросил как-то его я.
- Я его обучаю русскому языку и письму.
- Ну, и как успехи?
- Ничего. Хорошо уж пишет по-русски слово...

29.06.45 г.

Славков. Жданице.

Разыскивая обоз и трактора с прицепами, которые отстали и очевидно пошли те и др. по разным дорогам из Брно, с целью подтянуть колонну, мы дважды возвращались в город. В г.Славков мы нашли тракторы, один из которых ремонтировался. Благодаря механику-чеху, трактор к 20.00 был готов. И они пошли на Годонин. В 23.00 нагнали обоз в дер.жданице. В 25 км от БРНО. Здесь же остановились ночевать. Для нашего

разнообразия день оказался праздничным и в Клубе давался концерт. Мы пошли послушать чешскую музыку и вообще их деревенское искусство.

К нашему приходу концерт окончился, и были танцы. Очень много молодежи обоего пола. Исключительно все танцуют. Наш приезд на «ауто» привлек внимание находящихся на улице. Не могли остаться незамеченными два капитана, вошедшие в зал. У чехов капитан большой чин, раньше 30-летнего возраста это звание не получают. Нашлись юноши, которые окружили нас и начали занимать разговорами. Я не был удивлен, когда увидел, что танцуют все, но мне было так неловко чувствовать себя не танцующим. Мои объяснения на предложения танцевать оказались убедительными, что я с дороги, в пыли, руки в бензине и пр.

Однако мы пробыли в клубе до двух часов ночи. Всё время играл оркестр. Исполнялись чешские песни и русские на чешском языке – Стенька Разин, Дубинушка, русские марши, соло Руда Армада. По окончании танца пели песни все слушатели и исполнители. Громко аплодируют. Уехали в третьем часу. Так как в машине нас было только двое, то пришлось подвезти некоторых до дому. Искать не пришлось. Мигом наша машина была переполнена.

Ночевали мы эту ночь под липой вместе с обозом. Легкий теплый ветерок приятно гладит кожу лица и рук, не укрытых одеялом.

Я так хорошо уснул. Но одно нескромное событие заставило меня открыть глаза. Привязанный к возу и плотно покушавший, здоровенный конь битюг издал такой необыкновенный силы звук, что все другие лошади, уже мирно почивавшие на боку, вдруг вскочили, поводьями резко дернули повозки, последние разом заговорили. С одной упало ведро, дневальный, дремавший у костра, не растерялся и вызвал дежурного по роте. Я от души поохотал и долго не мог уснуть.

- Дежурный, к выходу!

30.06.45 г.

Годонин. Киев.

В 10.00 час. Выехали в Гюдинг (Годонин). Интересно, что нам пришлось ехать через Киев. Это на полпути от жданиц на Готонин. Я поинтересовался этим городишком. В нем с десяток заводов и пять церквей. Выглядит хорошо. В Годонин приехали в 12 часу. С другой стороны города нашли свой автотранспорт.

1 трактор стал в ремонт (другой). Не жалея расстаться с машиной, пошли знакомиться с городом и КПП пешими. Обошли несколько магазинов, купить нечего. Купили с десяток открыток – виды города, в котором находимся. Даже шахмат найти не могли. Пообедали и поехали дальше.

01.06.45 г.

Голич.

Не доезжая Голича 1 км, между рощей и рекой на лугу остановился обоз и транспорт. Место исключительно красивое. Мы поехали подобрать квартиру в город. Путь знакомый – в народный выбор, полица(я?) с собой и квартира обеспечена. Семья, где мы остановились, оказалась исключительно культурной и образованной.

Хозяин – директор торговых предприятий, хозяйка – учительница в гимназии, преподает историю и географию, дочь учится в университете. Их заинтересовало, что мой товарищ такой молодой и капитан. У них это невозможно. Говорили долго и обо всем. Пришли соседи по дому. Собралось столько народу, что не все зашли в комнату, некоторые стояли на ногах у порога и за порогом. Спрашивали, какие страны мы прошли, как это Красная Армия, такая могучая, допустила в 1941 г. немцев до Москвы, как хорошо, что мы пришли к ним, где лучше люди, какие женщины красивее – чешские или польские, и много другого. Пришлось

отвечать на все вопросы, а также выслушать их. Дочь исполнила несколько национальных песен, сама аккомпанируя на рояле.

Пошли в отведенную нам комнату. Хорошая обстановка, две койки, как обычно, составленные вместе. Мягкая постель. Впервые увидел светящийся стол. Обыкновенный круглый стол, крышка стеклянная, матовая, располагающиеся внутри электрические лампы не видно, яркий свет равномерно излучается всей поверхностью стеклянной крышки.

В беседе с хозяевами нам пришлось еще раз объяснить, почему некоторые наши бойцы плохо себя ведут. Во-первых, это явление не массовое, армия большая, а в семье, как говорят, не без уroda. Люди четыре года на войне, были в Германии, где несмотря на запрещение командования, старались мстить за свои хаты, детей, жен, матерей, истерзанных немцами, по инерции делают некоторые и здесь, в такой дружественной нам стране.

Вероятно, так делали бы и у себя. Но у нас это строго карается. Характерно, что население, с которым нам приходится встречаться, очень хорошо отзываются о войсках Конева и Жукова, и плохо – о войсках Малиновского, которого сами же избрали почетным гражданином Праги. Солдаты Конева и Жукова не отбирают у них часы, не тащат вещи из квартир и вообще дисциплинированнее солдат Малиновского. Они уверены, что мы едем домой. Мы им не возражаем. Об этом говорят лозунги на наших машинах. Но на вопрос, куда мы едем и почему так много, что день и ночь забиты все дороги. Один офицер ответил: «Мы были в Финляндии, Восточной Пруссии, Германии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Везде победили и поставили на колени Германию». «Теперь нам Сталин сказал: «Посмотрите, как живут люди в др. странах и приезжайте в СССР». Это всем понравилось.

Деревня. Чехословацкая республика делится на Чехию, Моравию и Словакию. Годонин, Галиц, Скалица при Мораву, где мы сейчас находится, есть Словакия. Язык словаков еще более схож с русским и, особенно, с украинским языком. Здесь можно говорить на любую тему, по любому вопросу, отчасти по-чешски, отчасти по-русски.

Деревня Словенов резко отличается своими обычаями от города и в особенности от населения Чехии. Народ исключительно набожный. Соблюдают все религиозные праздники и обряды. В недилю (воскресенье) обязательно идут в костёл, в этот день не работают. Нам едва удалось уговорить ковача подковать 16 лошадей и то после костёла. В костёле молодые люди назначают свидания. Ходят родичи друг к другу в гости. Одеваются по-праздничному, совершенно своеобразно, особенно женщины. Надевается платок по-рязански. Кофточки в обтяжку. Юбка выглядит парашютом с тысячами сборок. Не только женщины, но и девушки, юноши и даже дети. Идут три женщины и занимают пол улицы.

Внешне деревня выглядит хорошо. Прямые улицы, каменные и глиняные, уделанные под известь красивые дома плотно прилегают один к сплошной длинный дом 1-2-х этажный. Но живут бедно. «Война все забирала». Нет хлеба, мяса, сахара и др. Очень дорого все. Надеются на новый урожай, который уж поспекает, на днях уборка. Дорого стоит железо. Одна подкова 30 крон или шесть рублей. Ребятишки в непраздничные дни выглядят грязными, оборванными, работают в поле или дома по хозяйству.

Деревни одна от другой не более 2-3 км. Работая в поле, даже обедать ездят домой, при этом на возу везут обязательно что-нибудь: или сено, или хворост, или еще что-нибудь.

Некоторые юноши, но очень мало, уходят учиться в соседний город, в гимназию, и тогда одеваются по-городскому. Учатся сельские школы или начальные школы пять лет. Гимназия – 8 лет, университет – 5 лет.

Самое большое учение – университет. Учатся там богатые торговцы, содержатели и пр., так как за учение дорогая плата.

02.06.45 г.

Голич. Клавир, Соло – 8-10.

Скалице – 11-12.

Трактор – 13-14.

До увиданья – 15.

Хозяин дал нам свой адрес и просил написать ему, как только мы приедем в Москву. На прощанье поставил на стол водку. Выпили по три рюмки. Расстались друзьями. У них осталось о нас хорошее впечатление. Наше пребывание на частных квартирах и общение с населением до некоторой степени умягчает, сглаживает то плохое, что оставили о себе русские, прошедшие впереди нас.

Так вошли в доверие к хозяевам, в чем они не сомневались. Оставляли нам ключи от своего дома, здесь же в доме был и магазин.

О состоятельности его заведения можно судить хотя бы по тому, что две дочери их учатся в университете, имеют рояль, большой дом, каждый год выезжали на курорт в Италию.

В 17.00 час. Выехали на Сеницу. Спидометр нашей машины показывает 56350. Когда выехали из Вальденбурга, было 55125. Прошли 1225 км, по прямой 350 км.

Закат солнца наводит тоску на сердце. Далеко ты, родная сторонюшка, а кажется, ты здесь, в груди. Далеко ты, Дуся, далеко, что с тобой? Ох, тяжело вспоминать.

03.07.45 г.

Сеница, Яблоница, Надаш, Трнава.

По дороге из Сениц на Яблоницы нагнали большой гурт скота. Спрашиваем:

- Откуда?
- Из Германии.
- Куда?
- В Будапешт. Кадровые солдаты. Продайте собаку.
- Нет. Собаку не продаем.
- Нам она очень нужна.
- Что дадите?
- Быка на 18 пудов.
- Давайте два быка.

Отдали бы и два быка, но мы не стали задерживаться, поехали дальше.

Остановились ночевать в Надаме. Народ живет очень бедно. Много ходят босыми. Просят не только ребятишки, но и женщины.

Просят вас, что видят: от простыни до полотенца, до тряпки, просят нож, вилку, каждую мелочь, не на памятку, а из-за большой бедности, нужды. Вот подошла одна женщина. До 1922 г. она жила в Одессе и хорошо знает русский язык. Словенка. Не стесняясь, она просит, чтобы посадили ее с собой пообедать. Война из них выжала все соки. Нечего покушать, нечего одеть, нечего постелить на кровать. Вид довольно жалкий. Многим давали сахар, лишние вещи, одному ветеринарному специалисту-самоучке за то, что он полечил больную лошадь, дали кожу с быка, только что зарезанного на мясо.

Некоторые, но очень немногие, живут сравнительно ничего. Вот надпоручик народной беспечности приглашает нас к себе на квартиру. Он угостил нас ликёром самого лучшего качества, поставил хорошую закуску, сигареты. Ему 39 лет. Жене 25 лет. Имеют двух детей и ожидают третьего. Довольны друг другом, любят детей. Несмотря на то, что уже после войны русские солдаты взяли у него все, что могли унести, и остановили в одном костюме, он очень хорошо отзывается о червнй армаде (чехи говорят – руда армада, словены – червна армада). В каждой деревне нас спрашивают, Конева мы или Малиновского. Что по их мнению, Великая разница.

Малиновский говорит: бери, бери. Конев нет. Солдаты Малиновского очень много причинили им зла. Когда мы сказали, что это неправда, он так не говорил, что это прославленный маршал, то все равно отвечали: «Пусть Малиновский добре, а солдаты его дюже недобре». Что мы могли сказать в свое оправдание. Когда здесь же, на наших глазах произошел такой эпизод. Подъезжает на велосипеде офицер народной беспечности и заявляет русские взяли лошадь, помогите.

Оказывается, проходила часть, остановилась в яблоницах. Продали две лошади за водку. Водку выпили, лошадей не отдали. Но когда продавший водку, пользуясь тем, что все пьяны

в дым, взял лошадей, которых он купил, незадачливые вояки поступили просто. Взяли коня у его соседа и поехали. Обоз этот мы быстро нагнали. Пользуясь старшинством в звании, приказали немедленно возвратить коня. Что ж, как будто ни в чем не бывало, лошадь отдает, как будто он и не брал её, а сам думает, что в другом месте компенсируют, если здесь не удалось. Но мы записали ФИО, звание, часть, № удостоверения личности и должность старшего колонны. После этого только он почувствовал, какая его ожидает ответственность. При этом были цивилизные словены, и они убедились, что только отдельные недобрые могут так делать.

Ночевать мы попросились к одному крестьянину. Несмотря на то, что было поздно, и все они уже спали, он, ни слова ни говоря против, провел нас в комнату и сказал, что будем спать вот здесь. Койки были заняты. Но он и слушать не хотел, чтобы мы шли обратно. Быстро все было улажено, и через 30 минут мы с товарищем уже были под перинами и на перинах (сверху и снизу перины). Утром нас угостили распаренными в кипятке сушеными яблоками.

При встрече после сна обязательно спрашивают:

- Уж выпалы?
- Дюже добро. Спасибо.

Шутя, уговаривали дочь хозяина отдать замуж за товарища.

- Что ж, она согласна через месяц выйти за русского замуж, чтобы он остался в Словакии, а в Россию она не поедет. По ее мнению в России хуже, потому что там мода отстает. Убедили в обратном на примере их же миста.

- У вас женятся по восемь раз, а в костел не ходят.

Окончила пять классов людови школы, два класса мещанской.

- Где вы работаете?
- По дому.
- Что работаете?
- Варим, шьём.

Мы просили сшить нам плавки. Что было сделано с большим желанием и искусством.

Траковицы. 21.00 час.

Первая деревня, где я отрицательно подумал о словаках, исключительно негостеприимная деревня. Все дворы на замках, ни до кого не добьешься, а по улицам ходят вооруженные патрули. Пройдя два раза взад и вперед улицу, не нашли ни одного открытого двора. Хуже того, в одном доме мы в окно увидели женщину и решили подойти. Окно быстро закрылось на ставни изнутри. Наши сигналы в ворота были бесполезны. Позднее мы случайно увидели ее у ворот своего дома и немедля подошли. Разговор наш был прямым, вопросы в упор. Нам интересно знать причину такого отношения к русским.

- Вы же видели нас в окно, почему не открыли дверь, неужели вы думаете, что мы вам желаем плохого.

- Я видела, но не знала, добры вы или злы. Сейчас я вижу, что вы добры. На днях у нас отобрали перину, матрац, хотели взять коло (велосипед), но я плакала и не отдала.

- Это плохо, но наверно потому, что вы так дюже не добре нас принимаете.

Человек, который у вас хотел взять велосипед, делал нехорошо, но он не взял. Зато у него на вашей земле у Братиславы погибли два брата. А всего погибло русских за вашу свободу только в ваших местах десятки тысяч солдат. Разумеете?

- Разумею, добре?

- Мы четыре рокив не мали постель и теперь нам все равно, где спать. Но неужели мы не достойны, чтобы зайти в ваш дом?

- Мы не хулы, что вы добры, мы виновны. Простите нас. Просим до хаты.

В отместку мы хотели поставить к ним роту солдат. Но русские сердца мягки. Нас уговорили остаться у них, но разговор на эту тему продолжался долго еще, затем мы говорили о войне, о Чехии, Моравии, Словакии. Закончили наш разговор в три часа ночи о литературе.

Дочь хозяйки оказалась учительницей, довольно образованной, знает почти всех наших классиков.

Когда мы встали на утро, то увидели на столе по одной подписанной книжке на память и фото.

04.07.45 г.

Нитра.

Большой городок в 25 км от венгерской границы, в 30 км от Трнавы, в 100 км от Братиславы. Население исключительно словаки. В городе своё войско, везде вооруженные патрули. Отношение к русским далеко не нормальное. О русских солдатах ходят такие нелепые выдумки, что жители не только не желают принимать русских на квартиры, но даже дрожат при одном упоминании о появлении русских.

- Почему? – спрашиваем мы одну женщину лет 30.
- Русские приходят до цурки, або до жинки сразу восемь человек и носилуют.
- До вас приходили?
- Нет, до меня не были.
- А почему говоришь?
- Говорят люди.
- Это ложь! Не верь!
- Русские все отбирают, часы давай, перину давай, радио давай, полотно давай.
- У вас что взяли?
- У меня не взяли.
- Скажи всем, что кто так говорит, тот не добре желает до русского войска,

а кто не добре желает для русских солдат, до того плохо делают русские солдаты. Это очевидно, дошло до немудрых обывателей, это можно было видеть, как готовили для нас помещения: выметали, таскали нары, но в то же время подсылали ребятишек узнать, сколько мы будем жить здесь.

- Будем жить до тех пор, пока вы не увидите, что русские добрые, а не злые. Нам вашего ничего не нужно. У нас все есть свое. И когда мы, не взирая на их явное пренебрежение к нам, загнали во двор десяток машин, полсотни лошадей, вся улица о чем-то громко говорила, собираясь кучками человек по 5-7. Очевидно, вырабатывали на случай план обороны. Немецкая пропаганда еще не находила себе здесь отпора. В Краковице одна учительница говорила нам, что словенцы не пьют водку так, как русские, не теряют рассудок. Я готов был ей поверить. Сегодня я убедился в обратном.

За три часа я встретил двух до безсознания пьяных словаков. Один лет 25 на карусели под видом партизана поднял такой дебют, что некому было только его посадить в камеру. Другой, идя к себе на квартиру, ревел таким голосом, будто его режут русские. Разбил два окна, кричит, что в него стреляли русские. Так как это происходило у нашего расположения, то пришлось молодца призвать к порядку и помочь лечь в постель. Я пожалел его пять детей и беременную жену, а то бы наши ребята более проще с ним поступили за провокации.

Между Чехией и Словакией – целая пропасть, хотя словацкий язык гораздо ближе к украинскому и русскому.

05.07.45 г.

Нитра. Спал хотя и на хорошей постели, но плохо. Вечером до двух часов ночи слушал Москву, после чего я долго не мог уснуть. Затем пьяный словак – до трех часов ночи. Уснул в четыре часа, не раньше. Очень плохо видел Дусю во сне. Проснулся в семь часов и больше не мог уснуть. Вышел за город, сел на берегу реки, и на планшетке пишу свои дорожные заметки. Солнце уж давно взошло. Жаворонки поют, как у нас в поле. Речка журчит, будто на сковороде жарится рыба. Я стал лицом в сторону родной земли. Поля, заселенные хлебами, уходят далеко за горизонт. Кажется, недалеко Родина. Кажется, и места уж пошли знакомые. Но, увы, нет. Стоит повернуть лицо вправо – незнакомые горы, назад – город с черепичными крышами. В городе указатель до Будапешта 120 км. А сколько за Будапештом? Так далеко, так много! Ох, как соскучился я по золотой родине, как тяжело мне быть в

разлуке с семьей, трудно выразить словом, как хочется до родины, до дому. Это можно выразить только рыданием, стоном.

Кто услышит, кто поймет? Вот разве эта речка тише зажурчит...

18.00 час. Кинокартина «Кутузов» в городском кинотеатре. Лучшие билеты – 9 корун на балконе. С балкона ушли и купили вторые билеты в партер. Киножурнал – Лидице, трупы, о замученных в Лидице. Выступление Бенеша – 11000 человек на улицах Праги.

Во время демонстрации картины антракт, что у нас в кинотеатрах нет.

20.00 час. ушли.

Обменял радио на часы. В придачу пол-литра спирту.

22.00 час. Рестаурация.

- Подем. А ну, а ну.

- Я хочу, чтобы вы были у меня.

- Мы не можем быть у Вас. Нас ожидают в части.

- Нет, вы будете у меня. Вы интеллигентные люди, я тоже интеллигент, я

артист профессионал. Вы русские, я словак, я вас уважаю, идёте со мной. У меня есть, чем Вас угостить. Мы потратили целый час, чтобы культурно отвязаться от пьяного интеллигента.

06.07.45 г.

Врабле. Левице. Впервые пробую свежие, только что с дерева яблоки и абрикосы. С разрешения хозяев ребята на остановке рвали яблоки прямо с кузова автомашины. В 16.0 час. Прибыли в город Левице. Когда-то был словацкий. Магьяр и словак в городе одинаково. Зарегистрировались в комендатуре. Дали человека, провел до жандармерии. Взяли полицейского, отвел и определил на квартиру. Старик-хозяин-словак, старуха, его жена-магьярка. Сын работает в другой деревне учителем. С ним его семья – жена и сын девяти месяцев. Живут бедно. Когда подходил фронт, весь город был эвакуирован. Фронт ушел, жители вернулись, и ничего из пожитков не нашли. Но они на это не обижаются, так как сами все побросали. Поставили на стол в вазе угощенья, тарелку яблок и тарелку что-то вроде нашей красной смородины, только покрупнее. Если что нужно спросить, то старуха спрашивает по-магьярски, старик переводит на словацкий, а со словацкого мы переводим на русский, и так понимаем друг друга.

07.07.45 г. Левице.

Ходил по городу. Обошел все братские могилы. Я нигде не пропускаю могил, чтобы не прочесть, кто погиб и похоронен здесь, далеко от своих. Ведь если мы сейчас не посмотрим на своих, кто ж на них посмотрит, когда мы уедем отсюда все. Я смотрю – знакомые фамилии, знакомых много, но беда в том, что не везде ставят место рождения. Бирюковы, Бочарников, Иванов, Смольяков – но откуда они? В этом городе наших похоронено человек 200. Им ставят каждому и общий памятник. На центральной площади заготовлено: железо, каркасы, камни, мрамор.

08.07.45 г.

Левице. Танцевы забавы. Чешские солдаты и офицеры. Штабскапитан. 10 кг бензина. Белая рубашка. «Штатни заступца». Ресторан – као, вино. Магьярску, Словацку.

09.07.45 г.

Шахы. Переехал словацко-венгерскую границу. Дружественная нам республика позади. Шахы – город в 2 км от границы. Обмен корун на пенги. Яблоки.

Резко бросается в глаза разница в культуре Чехословакии и Венгрии. Первые стоят много выше. Уборка хлеба – вручную. Дороги хуже, даже плохие. В хату не влезешь. Ночевали под грушевым деревом. Так приятно на теплом ветерке.

10.07.45 г.

Вац. Подъезжаем к столице Венгрии Будапешту. Движение еще более становится оживленным. Все дороги забиты всеми видами транспорта и нашими колоннами солдат. Вот по городу Вац походным маршем под оркестр идут полки 128 стрелковой дивизии. Город украшен лозунгами и портретами. Центральная площадь и базар, все повернулись в сторону

движущихся колонн. Загорелые лица солдат, выступившая на гимнастерках соль свидетельствует о большом пройденном пути. Гордая поступь под звуки марша, могучие голоса песен победителей вызывают большое смятение горожан. Вот женщина с зонтиком почему-то вытирает слезы белым платком. Зависть ли к Красной Армии, память ли о погибшем близком подернули ее глаза слезой. На площади прошли мимо только что отшлифованного обелиска в память погибшим русским солдатам и офицерам. Высокая белая гранитная колонна с золотым гербом СССР и золотыми буквами: «Вечная слава героям, павшим за честь и независимость Советского Союза». На другой площади другой памятник из черного гранита.

Прошли арку городскую со скульптурами венгерских исторически видных деятелей и словами Сталина из обращения к народу в день Победы. Открывается шлагбаум, и мы едем в сторону Будапешта. Это, пожалуй, самая красивая дорога. Асфальтовое магистральное шоссе, заключенное в зелень вековых аллей, идет все время берегом многоводного Дуная. С отлогими песчаными берегами, местами скаймленными высокими тополями, голубая гладь Дуная является здесь необыкновенной красоты. По ту и другую сторону в 1-2 км тянутся высокие горы, вершины которых еле вырисовываются в дымке раскаленного южным солнцем воздуха. Вот по ту сторону красного бакена прошел навстречу нам большой двухтрубный пароход с красным советским и трехцветным венгерским флагами. Волны одна за другой поползли далеко по отлогому берегу.

Вот расположилась на дневку наша дальнобойная артиллерия, повернув свои орудия длинными стволами в сторону реки. Сотни лагерных палаток, костры, пасущиеся здесь же кони напоминают кочующий образ жизни.

- Почему ваша гимнастерка как будто вынутая из рассола? - спрашивает один мадьяр на русском языке у бойца.

- Ты бы прошел от Берлина до Будапешта пешком, так, пожалуй, и сам бы просолился, не только рубашка - ответил не растерявшийся солдат.

Мы остановились на ночлег в этом живописном месте. Когда-нибудь припомнится этот день.

11.07.45 г.

Дунай. Обстоятельства заставили меня посмотреть на голубые воды Дуная на восходе солнца. Солдаты 128 стрелковой дивизии на 10 повозках с кухнями приехали в деревню за водой. С автоматами безусловно. Набрали воды и попутно по мешку яблок на повозку. Хозяин, чьи яблоки, сказал соседу, а у соседа я как раз ночевал. Вышел не по форме. Они в 40 м. Кричу: «Кто старший – ко мне». Все старшие, и тикать. Я надел рубашку, пистолет и пошел за ними до их расположения принять соответствующие меры.

На обратном пути присел на берегу Дуная. Ах, как он красив. Тихо. Лист не шелохнется, а его зеркальные воды даже не подернуты рябью. Я сорвал яблоко, подержал его в воде Дуная и съел. Долго я смотрел и любовался этой чудной рекой в красивой декорации, затем лег на спину, и мысли мои перенеслись к своим рекам, и сердце сразу затосковало, заныло. Хорош Дунай, но Волга и Обь лучше, милее, дороже. Целый час я лежал на спине, смотрел в синее небо и думал о родных степях Сибири, о своих городах и сёлах, где всё родное, близкое.

Когда я пришёл на квартиру, было 10 часов утра. Хозяин принёс вина и угостил нас, как добрых русских офицеров, которые хорошо отнеслись к мадьярам.

Очень трудно объясняться с ними. Они не знают русского, мы не знаем мадьярского. Больше объясняемся руками, знаками.

Вот мой запас слов за два дня: Йо – хорошо; ныны – нет; немтудом – не понимаю; ур – часы, пенязы – деньги; ю и санат – спокойной ночи; адь – койка; иген – да; эдь, кетч, хорум, кедь, нот, хетч, хем, каля ну, тиз – счет до десяти; виз – вода и ряд других.

12.07.45 г.

Приехали в Чомер – пункт нашего назначения, восточная окраина Будапешта. Завтра докладываю начальству о выполнении задания. Затем в свой полк, где тороплюсь прежде всего получить письма, которых не получал больше месяца.

Вот и кончилась моя командировка, мой путь-дорога. Проехал около 2000 км по Германии, Чехии, Моравии, Словакии, Венгрии, Десятки городов, сотни населенных пунктов позади. Это к лучшему: все ближе к дому. Теперь уж, хоть расстояние и большое еще, но оно все сокращается и сокращается.

13.07.45 г.

Будапешт. В 14.00 час. По электричке приехали в Будапешт. Цель поездки: знакомство с городом. Маршрут – по Будапешту. Чомер, Цинкота, Матьшфелд, Будапешт, Уйпешт, Ракошпалота, Чепель. Районы города по левой стороне Дуная. Правая – Буда, там сегодня не были. Буду завтра. Раньше электрички ходили до вокзала (северного), но сейчас нет, ввиду разрушенного одного моста через пересекающую путь железнодорожную линию. Поэтому мы прошли только полтора километра. Попутно зашли в парикмахерскую, и за 26 пенгов нас побрили с массажем, пудрой и одеколоном. Даже в столице парикмахера не отличаются от тех, что я отметил у себя в этой книжке.

27.07.45 г.

Рядом с парикмахерской – пивная. Выпили по кружке пива, что для троих составило 90 пенгов. Дошли до вокзала. Огромное здание, исключительно богатой архитектуры, - наполовину разрушено. Площадь, скульптурная группа из бронзы. Трое сильных, мускулистых мужчин, один из которых, ранее стоявший в центре и на самом высоком пьедестале, лежит сейчас на асфальте, головы где-то совсем нет, двое других стоят на своих местах с серьезными лицами, грациозными жестами, замерли во времени и пространстве как олицетворение силы и мужества мадьярского народа. Площадь – это своеобразное кольцо, куда приходят трамваи из разных частей города, разворачиваются и расходятся в разных направлениях. Не зная еще, куда нам ехать, я объяснил кондуктору, что едем в центр. Для чего нарисовал круг и поставил в центре точку. Это было в трамвае № 44. Мы проехали на нем до южной части города, затем возвратились обратно и сели в трамвай № 23. 23-й привез нас на центральную скульптурами металлических камней и людей в натуральную величину. Мы сошли с трамвая и договорились пойти в кинотеатр. Но на пути наше внимание привлекла хорошая музыка. Это оказался джаз большого ресторана, а где мы и пробыли до 21 часа.

Нам наставили различных вин, пива, холодных и горячих закусок, яблок, так что не знаешь, что за чем употреблять. Подали каждому по две салфетки, к вашим услугам переводчик, обслуживание исключительное. Особенности ресторана в том, что столы расставлены на верандах по кругу, в центре музыка и танцевальное поле, обслуживаемое специальным штатом людей. Ресторан принадлежит крупному частнику. Удовольствие в ресторане нам стало по 520 пенгов с носа. В часть вернулись не поздно – в 23.00 час.

14.07.45 г.

Буда. Самолет в окне. Четыре этажа здания.

Прибыл в свою часть. Убит насмерть. Не нахожу себе места. Ни пить, ни есть, ничего не могу. Я с нетерпением ждал письма от Дуси. Мне подадут от Лиды и Ньюры. Сразу же в сердце как будто кто шилом кольнул. Так и есть. Моя родная любимая Дуся лежит в постели и не может не только писать, а даже ее не решаются отправить на курорт – не примут. Что же это такое? До такого состояния допустили. Что мне делать?

Господи, кого мне молить о помощи. Неужели она умрет. Ведь с ней умрет вся моя жизнь. Умрет самое лучшее. Я так люблю ее, так жажду встречи, шестой год ждет она меня, ради чего всего это? Все, что есть на сердце дорогого, - все берег для нее, я гордился тем, что у меня есть кому рассказать о себе, есть кого любить, меня есть кому встретить. А теперь что я могу подумать? Неужели она не выживет? Мне не перенести такого удара. Я сойду с ума. Я не могу ничего соображать, что вокруг меня происходит. Хожу как дурак. Дуся, голубка моя дорогая. Пожалей меня и Володю. Вынеси все, дождись меня.

15.07.45 г.

Я кончаю писать свой детский дневник. У меня только Дуся. Я сегодня целую ночь не спал и все думал о ней. Утром уснул, и все время видел ее во сне. Худая, худая. Тяжело ей, а я плакал над ее грудью так сильно, что когда проснулся, то тряпки и подушка были влажные.

Я не могу допустить, чтобы она умерла, но что я могу сделать! Если бы я был там, я бы на руках унес ее от смерти. А здесь я буду мучиться бесполезно.

Июль 1945 г.

Старший писарь полка с-т Стрва сообщил мне, что в шторм поступила шифровка «девятка сгорела». НШ майор Смирнов приказал заготовить похоронную на меня. Стрва написал, но не отправил. Только позднее выяснили, что мы живы. Пилот Ковалев с переломом ног в госпитале.

16.07.45 г.

Мне дали письмо от заврайона Воробьевой. «На мою долю выпало сообщить Вам тяжелую весть...»

Домой меня не отпустили сразу. В августе дали командировку сопровождать эшелон демобилизованных до Иркутска с заездом в Шарчино.

От Будапешта до Шарчино ровно месяц. Тяжело было ехать: у меня ничем не восполнимое горе, у них – безграничная радость. Вино, песни, аккордеоны, лозунги, митинги в честь победителей.

1. Ландесхут.
2. Броумо 21.
3. Глатц 22.
4. Габельшвердт 23.
5. Ст.Лихнов 25.
6. Ланшкроун 26.
7. Свитивы.
8. Бриенец. 28.28.
9. Ст.Скалице 29.
10. Брно 30.
11. Желнице 1, 2.
12. Годонин 3.
13. Сенице 4.
14. Лишаулаш 5, 6.
15. Трнава 7.
16. Уйлак 8.
17. Врабле 9, 10.
18. Левице 11.
19. Шахы 12.
20. Джинен 13, 14.
21. Вац – 15.
22. Чёмер
23. Яблоница 10 км.

16.08.45 г.

Будапешт. Сегодня в 18.00 час. Отходит поезд демобилизованных. В качестве сопровождающего еду и я до Иркутска, откуда еду в отпуск в Шарчино, Тюменцево и Ермачиху – на родину. Как бы радостно билось сердце и душа была бы наполнена счастьем, если бы дома встречала меня Дуся. Но ее уже нет, грудь давит тоска, грусть, печаль. При одном воспоминании, что ее не увижу, хочется провалиться в пропасть.

17.08.45 г.

Эшелон, украшенный лозунгами, флажками, зеленью, движется на восток. Да, теперь на восток, на любимую родину с победой. Я все еще не могу осознать, что еду ближе и ближе к дому. Сталинская гвардия возвращается к мирному труду – на предприятия, в колхозы, в шахты. Большая часть едущих в эшелоне – десантники.

Люди особой натуры и характера. При одном упоминании «десантники» – противник в панике и смятении. Прекращается движение по шоссе, гасится свет в домах. Это люди, наводившие ужас не только на мирное население (как это утверждают некоторые), но и буквально на всех.

В 17.00 час. Переехали мадьярскую (венгерскую границу). Едем на Румынию.

18.08.45 г. Румыния.

За Сталина.

За дружбу.

За победу над фашизмом.

За Михая.

21.08.45 г.

Третий день стоим на месте. Не принимает Сегед – станция перегрузки на узкую колею. Наш эшелон 1435 в составе 65 вагонов стоит без паровоза, как рыба без головы. Кухня прекратила свою работу, и довольствоваться приходится сухим пайком: сыр, консервы, колбаса.

У населения купить ничего невозможно: только меняют на полотно, обувь, платки, нитки и прочие тряпки. Из семи сел приходят женщины, старики и дети с огурцами, яйцами, вином и другими продуктами. За одеяло – 2 л водки, за 2-3 платка – курица, за ботинки – гусь с водкой. На нарах все меньше и меньше вещей, кое-где остаются голые доски: меньше вещей, кое-где остаются голые доски: меньше вшей, так говорят гвардейцы, не спрашивая разрешения на продажу взятой с нар вещи. Такой обычай, хошь живи, не хошь – уходи в другой вагон. Постель я не взял, плаща лишился. У Фрицевской шинели выдрал подкладку, чем и одеваюсь, а шинель в головах. До чемоданов очередь не дошла. Думаю довести оба. Целый день преферанс. Начинает надоедать. Скорее бы в Россию.

Бедность закарпатцев невообразима. Все босы, в рубищах, худые, забитые. Меняют орехи на нитки, а рассыпанные зерна выбирают из грязи. Вид жалкий.

22.08.45 г.

Румыния. Проехали 7 км и снова стали.

23.08.45 г.

Сегед

Румыния. Наконец-то приехали на станцию перегрузки на советскую колею.

Рано утром пошел купить покушать. 100 лей одной яйцо. За 60 руб. купил два десятка. С 11.00 до 13.00 игра в преферанс под яблоневыми деревьями. Сдающий отряхивает ветки, собирает яблоки для стола. В вагон тоже ребята натаскали несколько мешков яблок и слив. В 15.00 приехали в Сегед. Я спал на нарах. Проснулся от мощного гудка нашего ФД. Гудок, который резко отличается от гудков нерусских паровозов и сразу напоминает о том, что близко родная земля. Об этом сразу заговорили все в вагонах и вдоль эшелона.

24.08.45 г.

Сигет. Стоянка продолжается. Надоело жутко. Ходил по городу. Был на базаре. Дороговизна ужасная. Фотоаппарат, который я продал в Будапеште за 1000 руб. Здесь итоит 2000 руб., 200 руб. метр шёлку, 2000 р. материал на простые сапоги, арбуз стоит 50 руб.

Есть случаи убийства наших офицеров из-за часов, денег и др. ценностей.

В ночь на 23-е убит капитан и два лейтенанта.

При мне всем базаром едва смогли поймать одного юношу лет 17, схватившего со стола у торговца горсть ассигнаций. Торговля только частная. Бесконечным потоком отправляется в СССР оборудование, лесоматериал, хлеб и др.

Полям идут большие гурты скота.

Был в поезде–бане, помылся хорошо. Поезд-баня – подарок от рабочих Рязанской железной дороги. Мне ехать осталось мало – 300 км уж проехал, а если еще 1000 проеду, то только 6000 останется. Осточертела заграница. Особенно давно не видел русских детей.

28.08.45 г.

Сигет. Можно подумать, что я уж в Москве, но до Москвы далеко, подальше, чем до Будапешта. Сначала мы ожидали порожняк для перегрузки и загорали в вагонах с маркировками «Romania» “Gungria” “Drzden” “Rom» и др. Затем, 25.08.45 г. в 23.30 “неожиданно” подали Советские вагоны, и мы перетащили свои чемоданы туда. Вместо 65 вагонов, в которых мы ехали по 30-40 в каждом, нам подали 40 вагонов. Легко себе представить плотность «заселения» жилой площади теплушек с двойными нарами с учетом имеющихся у каждого трофеев. Нижние нары убрали, заложили вещами, на вещи – доски, на доски – люди. Завалили тамбура, забили крыши – разместились по «одежде».

Плоешчин – ни покушати, ни поешти.

Мне досталось почетное место: широкая доска у самого окна на верхних нарах. Ожидаем отправки час, два, три... Уснули. Утром рано можно видеть сидящих везде: в вагонах друг на дружке: на крыше сплошным порядком в два ряда, на тормозах, на площадке у своих вагонов. 9-00. Позавтракали. 12.00 час., а признаков отправки не видно. Узнали, что мост на пути не в порядке: балка треснула. Прошло еще два дня, мост, говорят, исправили, а мы сидим. В чем дело? Будто ожидаются дополнительные вагоны для погрузки демобилизованных Ростовского направления. Деньги, которыми я рассчитывал до дому доехать, израсходованы, не доезжая до границы 65-70 км, на чужой территории цены бешеные: пообедать в столовой так средненько с одной стопкой стоит сто целковых. Побриться с одеколоном – 30 рублей, по рублю маленький огурчик, 15 руб. 1 кг арбузов. А ведь у эшелона не усидишь, если учесть, что в этой гауптвахте по желанию я сидел больше месяца, когда сюда ехали, покормил вшей. Да, нужно не забывать, что мне ведь обратно в эту мадьярию ехать придется. На что я рассчитываю? Есть у меня трое часов, да на сберкнижке 2000 руб. Это дорога. Да «Венская модель» – это встретить семью. Да, семью. Один сын остался да сестры, которых я люблю, но как плохо, как смутно, что нет Дуси!
Меня никто не встретит.

Венские модные туфли.

28.08.45 г.

19-20. Эшелон, движимый двумя мощными паровозами, тронулся на восток, на Родину.

5.30. Проехали последнюю туннель за границей, птую по счету.

6.00. Граница. Наша, Советская граница. Политконтроль наряда погранзаставы. Радиоприемники, фото, оружие, пластинки, открытки с текстом изымаются. Митинг у эшелона. Ворох изъятого сжигается у погранстолба. Я не сдал ничего: два пистолета, сотня-другая открыток.

9.00. Первый километр родной земли. Кажется, мало или совсем нет различия в природе, общем пейзаже, но чувствуется, что едешь по большой земле Советского Союза. Наши погранзаставы. На первой же остановке купил литр молока за 10 км у русской женщины, не думая о том, что молоко может быть отравленным.

12.00. Делятин. Каменный мост, крутой поворот, туннель и сразу мост метров 40 высоты.

15.00. Коломыя. Остановка. Смена бригады. Пассажирский поезд с репатрируемым семьями из Австрии.

22.00. Черновицы.

30.08.45 г. 9.15. Выехали из Черновиц.

31.08.45 г. 7.00 Экмеринка.

Обед: курица 50 руб., 2 яйца 5 руб., 3 огурца 5 руб., кружка пива 10 руб., котлетка 15 руб.

11.00-11.30 Винница.

13.00 Казатин.

23.30 Киев.

Киев.

01.09.45 г. 16.00 Конотоп.

Яйца – 40 руб.десяток, курица – 100 руб.штука, булочка – 10 руб. штука, яблоки – 1 руб. штука, табак – 10 руб.стакан, папиросы – 25 руб. пачка, соль – 5 руб. стакан, ткань – 50 руб.за метр, Деньги расходятся незаметно.

02.09.45 г. 3.00. Льгов. Заполнится песнями. Ах, как хорошо пели народные песни девушки.

7.30. Курск. Родина отца моей матери, моего деда. Город, много потерпевший от немцев, сильно разрушенный, но быстро восстанавливается. По сравнению с тем, что видел я в январе этого года, когда ехал через него на южный фронт, много изменилось.

Эшелон наш разорвали на две части: Москва и Сибирь.

10 кг муки – 800 руб.

1 блин – 10 руб.

1 яблоко – 2 руб.

яйца – 40 руб.за десяток

3.90 Касторная. ЧП – солдат попал под колеса вагона, отрезало обе ноги.

12.00. Воронеж. Встреча. Митинг. Обед. В 17.00 оставили гостеприимный город.

04.09.45 г. Мичуринск.

05.09.45 г. Тамбов. 5.00 встретил земляка из Усть-Мосихи. Провоторов л-т.

8.00 Кирсанов.

14.00 Ртищев. Отправил телеграмму, не выходя из вагона.

06.09.45 г. Пенза.

7.09.45 г. Сызрань. Мост через Волгу. Куйбышев.

Наибольшая скорость 380 км в сутки.

08.09.45 г. Бугуруслан. Уфа. Баш. АССР.

10.09.45 г. Челябинск. Стояли с 2.00 час до 15.00 час. Ездил на трамвае до банка по ул.Спартак. Был на улице Ленина, Кирова и привокзальном базаре. Цены: рыба сухая соленая – 200 руб.кг., папиросы – 50 руб. Северная пальмира. Молоко – 25 руб. 1 литр.

27.00-22.00 Курган.

11.09.45 г. 10.00-11.00 Петропавловск. Пообедал на талон.

24.00 Омск. Женили Михаила Васильевича Кретьова. Шутя и всерьез

(Остался в Омске с женой, с которой познакомился дорогой).

12 сентября. 15-00.16.00. Татарка.

11.40-11.55 Ст.Озеро Карачи. Ост.к-на Габица.

16.09.45 г. 18.00 Шарчино.

17.09.45 г. Матья моя – я в Шарчино. Думал ли в самом деле все-таки попасть когда-то в Шарчино. 67 месяцев и 10 дней определяют меня от того дня, когда я со слезами на глазах оставил это село, оставил свою любимую Дусю, оставил Володю, оставил Володю, оставил друзей, знакомых, оставил школу, ребяташек. Все это было и осталось в памяти так дорого.

Что я нашел из того, что оставил шесть лет назад?

Дуся. Можно ли писать чернилами, о ком думаю: ее нет... Мои чувства невозможно изложить на бумагу. Я только и жил мыслью о ней, а теперь ее нет. Осталась на память ее кома – все из того, что так любил (косу отрезали и положили в пустой чемодан).

Володя. Он вырос без меня. Я его оставил едва умеющим ходить по комнате, теперь он ходит во второй класс школы.

Друзья, знакомые. Из многих нет. Убит Мартемьян Старыгин. Нет